

РИНА РОФИ

ОБОРВАННАЯ
СВЯЗЬ

Рина Рофи

Оборванная связь

<https://litres.ru/74207669>

Аннотация

Последние пять лет я живу на Земле. В человеческом мире. Дышу его пыльным, сладковатым от выхлопов и дождевой сырости воздухом. Пью кофе, который обжигает язык без магии, и ношу обувь, от которой болят ступни, веками привыкшие касаться земли, травы, мрамора дворцов иной реальности напрямую. Меня зовут Мария. И мне двести лет. А выгляжу я, если вам интересно, на двадцать пять. Примерно.

Двести лет. Это не много для моей породы. Для Ходячей сквозь миры. Последние 180 лет из этих двухсот я бежала. Бежала от памяти. От запаха пепла и магического распада. От пустоты в груди, где когда-то билось второе сердце. От него. От Белета. Мой демон. Моя любовь. Моя пара. От всего, что напоминало его...В отражении я видела его..Во сне я видела его..180 лет...Я упивалась слезами, я просыпалась с криками, я выжгла в себе саму себя до тла..

Но всё это — история, которая сейчас. А начиналось всё... начиналось с золотых глаз в сумерках нашего дома.

Что ждет:

- немного стекла, пока писала, сама плакала (читайте, не пожалеете) - всепоглощающая любовь - боль, что пронзает сердце

(у меня богатая фантазия, пронесла каждый вздох через себя)
- надежда, что окрыляет - истинная пара - нежная любовь,
страсть, разлука - хэппи энд. Тут я плакала...Но он должен
был случиться..Иначе..Иначе просто не могло быть - оголенные
чувства - он - демон, она - ходячая сквозь миры - тайна их разлуки,
причина

Спасибо, что читаете эту историю♥# Буду рада вашим
комментариям, звездам и сохранениям, они мотивируют ♥#

Содержание

Глава 1. День, что изменил мой мир	5
Глава 2. Ад во мне	11
Глава 3. Первый поцелуй	16
Глава 4. Настоящие дни	21
Глава 5. Заказ	29
Глава 6. Прошрое. Первый день в Аду.	34
Глава 7. Вечер	41
Глава 8. Глава из прошлого: Клятва в Тени Чертога	60
Глава 9. Современный мир	71
Глава 10. В Аду	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. День, что изменил мой мир

Мир Ходячих - не планета, не измерение в чистом виде. Отдельное пространство вне пространств, как пузырь, прилипший к изнанке реальности. Здесь светило не солнце, а Сердце Мира — мягкий сферический сгусток сияния в центре небосвода. Его свет был ласковым, вечерним, даже в полдень. Он окрашивал стены нашего белого дома, увитого живым серебристым плющом, в цвет тёплого мёда.

Мне было восемнадцать. По меркам моего народа — ребёнок. Моя сила, моё наследие Ходячей, ещё дремало, лишь изредка напоминая о себе лёгким головокружением, когда я слишком долго смотрела на границы нашего мира, туда, где небо мерцало, как шёлковая ткань на ветру. Я могла уже чувствовать зов других слоёв бытия, но мама и папа строго-настрого запрещали пытаться пройти сквозь них без Наставника.

В тот день я «летала в облаках». То есть, сидела на широком карнизе своей светлицы, свесив босые ноги, и пыталась разглядеть в мерцающей дымке на горизонте очертания Леса Шёпчущих Стволов — соседней реальности, граничащей с нашей. Мне казалось, я слышу их голоса, тихий шелест листьев на непонятном языке...

— Мария! Хватит летать в облаках! — Голос матери, тёплый, но твёрдый, донёсся из глубины дома. — Иди позна-

комься с гостем! Он прибыл!

Я поморщилась. Гости, послы, торговцы — скука. Но в голосе мамы была та самая нотка, которая означала «это важно». Вздыхнув, я спрыгнула с подоконника. Пальцы ног впились в прохладный, отполированный временем пол. На мне было простое летнее платье голубого цвета, без рукавов, легкое как паутина. Я не стала надевать сандалии.

Я сбежала по винтовой лестнице, не касаясь ступеней пятками, только носочками — легко, почти бесшумно. Золотистые кудри, непослушные, как и я сама, хлестали меня по плечам и щекам. Я влетела в главный зал — просторную комнату с высокими окнами, заполненную живым светом Сердца Мира.

И застыла.

У камина, спиной ко мне, стояли отец и мать. А перед ними — Он.

Незнакомец обернулся на звук моих шагов. Вернее, на тишину, которая вдруг возникла, когда я остановилась.

Время споткнулось.

Он был высоким. Очень. Тело, облечённое в простые, но безупречно сидящие темные одежды из плотной ткани, говорило о скрытой силе, о точности движений. Не о грубой мускулатуре воина, а о выверенной мощи лучшего клинка в ножнах. Его волосы были чернее глубины между мирами, коротко острижены у висков, но чуть длиннее на макушке. Лицо с резкими, благородными чертами, бледной кожей.

Но главными были не волосы и не черты лица.

Это были глаза.

Они встретились с моими. И мир вокруг поплыл. Цвета стали ярче, звуки — чёткими, как удар хрустального колокольчика. Его глаза были золотыми. Не как у кошки, не жёлтыми. А именно *золотыми*. Глубокими, как расплавленный металл, горячими и невероятно притягательными. В них светились искры, как далёкие звёзды в колодце. В них была вся тяжесть век и спокойная мощь неоспоримой силы. Сердце пропустило удар ощутив в нем что то родное. Отголосок. Эхо.

Он был Хранителем. Новым Хранителем пространства, оберегающим наш мир от внешних угроз и внутренних разрывов. Я слышала о них, но никогда не видела. Я думала, они будут... старше. Седыми и бородатыми. А он выглядел, как юноша. Лет двадцати пяти. Но эти глаза... этим глазам не было счета лет, они были старше, чем он выглядел. Хранители были из разных рас, но преимущественно контракт заключался с высшими домами демонов.

— Мисс? — Его голос. Низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, как шорох кожи о камень. Он разрезал тишину, в которой я застряла.

Я сглотнула, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Я, Мария, никогда не терявшая дар речи, вдруг осознала себя дикаркой, застывшей посреди зала с разинутым ртом.

— Мария, — наконец выдавила я, запыхавшись не от бега,

а от чего-то другого. Сердце колотилось где-то в горле.

Он сделал лёгкий, изящный шаг вперёд. Движение было бесшумным, плавным, будто он не шёл, а плыл над полом. Он взял мою руку — я даже не заметила, как она сама повисла в воздухе. Его пальцы были длинными, прохладными. Крепкими.

— Белет, — представился он. И губы, тонкие и выразительные, коснулись моих костяшек.

Это не был формальный, светский поцелуй. Это было лёгкое, почти неосязаемое прикосновение. Но от него по моей руке, по всему телу пробежала волна — не электричества, а чего-то древнего и тёплого. Как первый луч солнца после долгой ночи. Я едва не дёрнула руку назад.

Он отпустил её и выпрямился, не отрывая взгляда. Золото его глаз после поцелуя казалось ярче в свете зала.

— Мария, — повторил он моё имя, и оно прозвучало в его устах как заклинание, как что-то очень важное. — Ваша мать говорит, вы знаете каждый уголок вашего мира.

— Я... я люблю исследовать, — прошептала я, насильно возвращая себе дар речи.

— Белету нужна наша главная библиотека и лавка старьевщика Элрика, — вступил отец, с лёгкой улыбкой наблюдая за моей неловкостью. — Не могла бы ты проводить его, дочка?

— Да! Конечно! — мой ответ прозвучал слишком быстро, слишком громко.

Белет кивнул моим родителям, что-то тихо сказал им на прощание, и мы вышли из дома в ласковые, вечные сумерки нашего мира.

Мы шли по выложенной светящимся камнем дорожке, которая вела к центру поселения. Я шла впереди, чувствуя его взгляд на своей спине, на растрёпанных волосах. Мне хотелось обернуться, но я боялась снова утонуть в этих глазах.

— Вы долго будете нашим Хранителем? — спросила я, чтобы разрядить тишину, глядя себе под ноги на мягкую траву, пробивающуюся между камнями.

— Это зависит от многих вещей, — ответил он. Его шаги были бесшумны за моей спиной. — От спокойствия границ. От задач Совета. Время для моей расы... течёт иначе.

— А вы... вы демон? — вырвалось у меня. Я тут же закусила губу. *Глупая, глупая!*

За моей спиной раздался тихий, низкий звук. Почти смех. Но не насмешливый. Скорее, тёплый.

— Да, Мария. По крови своей.

— А почему ваши глаза... такие? — продолжала я допрос, уже не в силах остановиться, обернувшись к нему на ходу.

Он смотрел прямо на меня. И в этот раз я выдержала его взгляд. Золото, казалось, мерцало изнутри, и в его глубине я увидела отражение — маленькую, взъерошенную девушку в летнем платье, стоящую посреди дорожки.

— Потому что я вижу не только этот мир, — сказал он просто. — Я вижу его слои. Его границы. Его боль и его це-

лостность. Это... профессиональная необходимость.

Потом он сделал паузу и добавил, и в его голосе прозвучала та самая, неуловимая до этого нотка чего-то человеческого, может быть, даже уязвимого:

— А твои волосы... они как первый луч Сердца Мира после тёмной фазы. Золотой лучик.

Он назвал меня лучиком. Просто шёл и сказал. И продолжил идти, как будто не сказал ничего особенного.

А я осталась стоять на тропинке, чувствуя, как по моей коже, по самым корням волос, будто разливается то самое тёплое золото из его глаз. В восемнадцать лет, в первый раз в жизни, я поняла, что такое падать. Падать не в пропасть между мирами. А в чей-то взгляд.

Мы ещё дойдём до библиотеки. Он будет задавать мне умные, тонкие вопросы о фолиантах и магических артефактах. Я буду стараться отвечать складно, умно, как взрослая. А сама буду чувствовать этот взгляд на себе. Этот тяжёлый, тёплый, золотой взгляд, который видел целые миры, а сейчас смотрел на меня.

На золотой лучик, который ещё не знал, что ему суждено осветить и сжечь дотла целую вечность.

Глава 2. Ад во мне

После той первой встречи Белет стал появляться в нашем доме чаще. Сначала по делу: совещания с отцом, изучение архивов, инспекция граничных печатей. Потом — с вопросами о местных обычаях, о свойствах наших растений, о течениях магии в воздушных потоках. И каждый раз мама, с едва уловимой, мудрой улыбкой, говорила: — Мария, проводи Белета до источника. Покажи ему рощу хрустальных листьев. Он спрашивал про созвездия над нашим миром.

И я провожала. Показывала. Говорила.

Он был невероятным слушателем. Он не перебивал, кивал, и его золотые глаза, казалось, впитывали не только слова, но и сам воздух между ними, мои жесты, блеск в моих глазах, когда я увлекалась. Он задавал такие вопросы, которые заставляли меня думать глубже, видеть привычные вещи в новом свете. Он говорил со мной не как с девочкой, а как с равной. А я... я расцветала под этим вниманием, как ночной цветок под светом двух лун.

Однажды вечером — точнее, в час, который у нас считался вечером, когда Сердце Мира становилось цветом тлеющего рубина — мы забрались на Скалу Наблюдателя. С её плоской вершины открывался вид на всё наше пузырчатое небо, мерцающее, как внутренность гигантской раковины. —

Видишь эти три сгустка света, выстроившиеся в линию? — его голос был тихим, созвучным шелесту далёких звёздных вихрей. Он стоял так близко, что я чувствовала прохладу, исходящую от его одежд, и едва уловимый запах — дым, старая кожа, озон и что-то горькое, пряное, неизвестное.
— Врата Пламени, — выдохнула я, вспоминая учебник.
— В моём мире их называют Искажённой Троицей. Это не звёзды, Мария. Это разрывы. Три постоянных, стабильных портала в самые спокойные области Ада. Моего дома.

Я обернулась, чтобы посмотреть на него. Его профиль в багровом свете казался высеченным из обсидиана. В глазах плескалось отражение далёких врат.
— Ты... ты никогда не рассказывал про свой дом. Про Ад.
Он усмехнулся, уголок его губ дрогнул. Это не была весёлая усмешка.
— Потому что это не то место, о котором стоит рассказывать золотым лучикам в летних платьях. Это мир железа, вулканического стекла и вечного вопля. Воздух там обжигает лёгкие, а реки текут расплавленным покаянием грешников.
Я вздрогнула, но не от страха. От жгучего любопытства.
— Но ты же князь там. Ты сказал.
— Да. — Он наконец посмотрел на меня, и в его взгляде была целая вселенная усталости. — У меня есть владения. Чёрные базальтовые замки, парящие над морями лавы. Легионы стражей, выкованных из тени и воли. Подданные, чьи души — или то, что от них осталось — принадлежат мне по праву рождения и силы. Я могу одним взглядом заставить содрог-

нутыя целые пласты реальности Преисподней.

Он помолчал, и его голос стал тише, почти шёпотом, который перекрывал гул ветра на скале. — Но всё это — прах и тлен. Власть там — это лишь право быть первым в очереди на скуку длиною в вечность. Управлять хаосом... это все равно что пытаться приручить извержение вулкана. Ты лишь направляешь потоки, но не можешь остановить их суть.

Я осторожно, как к дикому зверю, протянула руку и коснулась его пальцев, лежавших на холодном камне скалы. Он не отдернул руку. Его кожа была гладкой и твёрдой, как полированный рог. — А здесь? — прошептала я. Он перевернул ладонь и на мгновение сомкнул её вокруг моей. Его прикосновение было нечеловечески тёплым, живым жаром, скрытым под прохладной поверхностью. — Здесь... — он обвёл взглядом наш мир: тихие огни домов в долине, серебристый плющ, мерцающие мягкие границы. — Здесь есть тишина. Здесь трава зелёная, а не пепельно-серая. Здесь воздух пахнет дождём и цветением лунных лилий, а не серой и страхом. Здесь... — его взгляд вернулся ко мне, и золото в его глазах стало каким-то тёплым, глубоким, как мёд, — здесь есть что хранить. Что-то хрупкое. Что-то настоящее. Не вечный огонь, а вот этот, едва тлеющий уголок покоя. И те, кто в нём живёт.

Моё сердце билось так, что я боялась, он услышит его стук. «И те, кто в нём живёт». В его словах была вселенная

смыслов.
 — Ты скучаешь по дому? — спросила я, глупо, по-детски.
 Он покачал головой.
 — Нет. Я ношу его в себе. Весь Ад — у меня здесь. — Он приложил свободную руку к груди, где под тёмной тканью, должно быть, билось сердце, не похожее на моё. — Он часть меня, как и способность охранять. Но быть здесь... это не служба. Это выбор. Возможность дышать перед тем, как снова нырнуть в пламя.

В тот вечер он проводил меня почти до самого дома. У калитки, увитой светящимся мхом, он остановился.
 — Спасибо, Мария. За экскурсию. И за разговор.
 — Я ничего особенного не сделала, — пробормотала я, глядя на свои босые ноги, испачканные землёй.
 — Ошибаешься, — сказал он так просто, что у меня перехватило дыхание. — Ты... напоминаешь мне, за что стоит сражаться. Не за троны и не за власть. А за тихие вечера и возможность показывать кому-то звёзды.

Он не поцеловал мне руку на прощание. Он лишь слегка склонил голову, и его тёмные волосы упали на лоб. А потом он растворился в сгущающихся сумерках, не как человек, идущий по дороге, а как тень, отступающая перед светом. Просто перестал быть.

Я долго стояла у калитки, прижимая к груди ладонь, которую он держал. На ней всё ещё чувствовалось эхо его жара. В голове звучали его слова: «Весь Ад — у меня здесь».

Тогда я думала, он говорит о ноше, о памяти. Теперь, спустя двести лет, я понимаю: он говорил о бомбе замедленного

действия. Но в тот вечер я знала только одно: демон с золотыми глазами назвал меня причиной дышать. И в моих восемнадцать, в моём вечно-юном мире, этого было более чем достаточно, чтобы потерять голову. И сердце.

Начиналось нечто прекрасное и роковое. Начинался путь, который приведет к боли, которая заставит бежать от всего, что могло напомнить о нем: от запаха озона после грозы, от отсветов пламени в камине, от тишины, похожей на ту, что была на Скале Наблюдателя. К 180 годам беспамятства и пяти годам попытки жить среди людей, у которых за плечами нет и века. Но тогда, на пороге дома, пахнущего хлебом и безопасностью, я чувствовала только головокружение от предвкушения.

Я, Мария, золотой лучик, зажгла интерес в глазах князя Тьмы. И тогда это казалось самой великой удачей в бесконечной жизни.

Глава 3. Первый поцелуй

Фестиваль Слияния Теней был самым важным праздником в нашем мире. Раз в сто лет границы между нашим «пузырем» и соседними реальностями истончались до прозрачности и мы могли наблюдать, как призрачные отголоски чужих ландшафтов, звуков и запахов просачиваются в наш воздух, создавая калейдоскоп невозможной красоты. Весь город преображался: гирлянды из живого света вились вокруг деревьев, на площадях возникали временные порталы, показывающие вид на океаны из жидкого серебра или леса кристаллических папоротников.

Я надела платье цвета лунной пыли, которое переливалось при каждом движении, словно сотканное из самого мерцания границ. Волосы мама заплела в сложную косу, вплетая в неё крошечные светящиеся камни, похожие на застрявшие звёзды. Я нервничала. Белет был приглашён как почётный гость и Хранитель. Я видела его рано утром — он был мрачен и сосредоточен, проверяя укрепления, чтобы праздничная «тонкость» не привлекла чего-то нежеланного.

— Не бойся, Мария, — сказал он, заметив мой тревожный взгляд. — Сегодня ничто не нарушит ваш праздник. Я обещаю.

Его слова успокоили меня, но внутри всё трепетало от ожидания. Увижу ли я его среди толпы? Придёт ли он на

главную площадь, где будет танцевать?

Когда опустился вечер (точнее, искусственно вызванное затемнение Сердца Мира), площадь вспыхнула тысячью огней. Звучала музыка, рождённая смешением звонов хрустальных колокольников нашего мира и призрачных, завывающих мелодий из щелей между мирами. Пары кружились в танце, их силуэты сливались и распадалась в волшебном свете.

Я стояла в стороне, возле фонтана, из которого била не вода, а струи сияющего тумана. И вдруг ощутила знакомую прохладу за спиной.

— Мисс Мария, — прозвучал низкий голос. — Вы позволите пригласить вас на танец?

Я обернулась. Белет был в парадном облачении Хранителя: тёмный, строгий камзол, отороченный серебряной нитью, повторяющей руны защиты. Никаких украшений, кроме печати с его гербом на пальце. Но его глаза в этот вечер горели не холодным золотом долга, а тёплым, почти янтарным светом.

— Я... я не уверена, что знаю ваши придворные танцы, — смущённо прошептала я.
— А я не собираюсь танцевать придворные танцы, — уголки его губ дрогнули. — Давайте просто почувствуем музыку.

Он протянул руку. Я вложила свою ладонь в его, и он повёл меня на площадку. Его хватка была твёрдой и уверенной. Он не стал принимать классическую позицию, а просто встал

близко, положив одну руку мне на талию, другой продолжая держать мою руку. И мы начали двигаться.

Это не было похоже ни на один танец, который я знала. Не было чётких па, только плавное, интуитивное вращение, полное синхронности. Он вел без усилия, предугадывая каждое моё движение, каждое смещение центра тяжести. Казалось, мы танцуем не под музыку, а в самой музыке, становясь её частью. Свет гирлянд мелькал в его чёрных волосах, а в его глазах я видела отражение всей этой магии, всей этой хрупкой, сияющей красоты вокруг.

— Вы видите? — он наклонился так близко, что его губы почти коснулись моего уха, и его дыхание, прохладное и пряное, пробежало по моей коже. — Видите, как трепещет граница над рощей? Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Там, где лес упирался в «небо» нашего мира, марево было особенно густым, и сквозь него проступали очертания гигантских, неспешно плывущих существ. — Это Киты Снов из реальности Лемурии, — пояснил он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на восхищение. — Они приплывают к самым тонким местам, чтобы послушать музыку других миров. Как и мы с вами.

Мы с ним. Он сказал «мы с вами». Как будто мы были одним целым в этом безумном, прекрасном водовороте.

Музыка сменилась на более медленную, томную, струящуюся как смола. Ритм нашего танца замедлился, пока мы почти не стояли на месте, лишь слегка покачиваясь. Мир во-

круг будто растворился. Не было ни фестиваля, ни чужих миров, ни зрителей. Были только он, я и тихий гул вселенной в ушах.

— Мария, — произнёс он моё имя, и оно прозвучало как клятва и как вопрос.
Я подняла на него глаза. Его лицо было серьёзным, почти строгим, но в глубине золотых очей бушевало что-то неистовое и уязвимое одновременно.
— Я не должен этого делать, — прошептал он, и его рука на моей талии слегка сжалась. — Ты — свет, а я... я ночь. Ты — жизнь этого места, а я — страж, чья суть рождена из иного огня.

— Я не боюсь твоего огня, Белет, — выдохнула я, и сама удивилась своей смелости.

Он замер. В его взгляде что-то надломилось, какая-то последняя внутренняя преграда. Он медленно, будто давая мне время отступить, наклонился.

Первый поцелуй был не таким, как в моих девичьих фантазиях. Он не был стремительным или страстным. Он был... вопрошающим. Его губы, прохладные и удивительно мягкие, коснулись моих с такой осторожностью, словно он боялся обжечь или разбить. Это было прикосновение, полное благоговения и невероятной, сдерживаемой силы. Я почувствовала вкус — тёмный, как кофе и редкие специи.

И потом что-то щёлкнуло. Осторожность исчезла. Его рука ушла с моей талии, чтобы обвить мои плечи и притянуть ближе, а другая погрузилась в мои волосы у затылка. По-

целуй из вопросительного стал утвердительным. Глубоким. Всепоглощающим. В нём было обещание и отчаяние, владение и покорность. Я отвечала ему, теряя голову, цепляясь за складки его камзола, впервые в жизни ощущая, что значит — гореть. Не метафорой. А по-настоящему. Будто искра его внутреннего пламени перешла в меня, разливаясь по жилам жидким, ослепительным теплом.

Когда мы наконец разомкнули губы, мир вернулся с оглушительным грохотом. Грохотом не музыки, а собственной крови в висках. Мы стояли, лоб к лбу, дыша в унисон. Его золотые глаза были так близко, что я видела в них своё отражение — растрёпанное, сбитое с толку, сияющее.
— Прости, — хрипло выдохнул он.
— Не смей извиняться, — прошептала я в ответ.

Вдали раздался салют из сгустков разноцветной магии, освещаая небо. Но для нас это было лишь фоном. Он прижал мою голову к своему плечу, и мы просто стояли так, среди кружащихся пар, два существа из разных полюсов бытия, нашедшие друг друга нечто такое, ради чего стоило перевернуть все миры.

Я не знала тогда, что это будет началом всего. И концом всего. Что этот вкус на его губах станет самым горьким и сладким воспоминанием на следующие двести лет. Что однажды я буду бежать от любого праздничного огня, от любой медленной мелодии, потому что они будут разрывать душу в клочья.

Глава 4. Настоящие дни

— Мария, где мой синий галстук? Тот, в полоску!

Голос выдернул меня из глубины сна, где еще дрожали отголоски золотых глаз и запаха озона после магического разряда.

Я моргнула, уставившись в потолок. Безликий белый потолок стандартной девятиэтажки. Через открытую форточку доносился гул утреннего трафика, запах бензина и свежей выпечки из соседнего кафе. Мой современный мир. Мой побег.

— Да, Дим, сейчас! — Мои легкие, казалось, все еще помнили другой воздух, но голос прозвучал нормально, привычно.

Я сползла с кровати, босые ступни коснулись прохладного ламината. В углу спальни, на дне старой картонной коробки, лежал тот самый галстук. Я потянула его, и ткань скользнула между пальцев, холодная и гладкая. Ничего общего с фактурой древней кожи или тяжелого бархата мантии князя Преисподней.

Дмитрий стоял перед зеркалом в прихожей, наспех застегивая белую рубашку. Он был... нормальным. Здоровым, красивым в своей человеческой, земной красоте. — Нашел! — я протянула ему галстук.

— Спасибо, родная. — Он быстро, ловкими движения-

ми завязал узел. — Сегодня на совете директоров. Обещали, что официально объявят о повышении! Это все изменит, Маш! — Его глаза горели планами. — Сначала машину побольше... А потом... может, рискнем, посмотрим на ипотеку на ту трешку в новом районе?

Он рисовал наше будущее мазками из кредитов, квадратных метров и литров двигателя внутреннего сгорания. Это будущее было таким маленьким, таким безопасным.

Я улыбнулась. Натянута, но, кажется, искренне. Подошла, обняла его за талию, прижалась щекой к его спине. Почувствовала тепло живого, реального тела. Поцеловала в щеку.
— На удачу, — прошептала я.

Он обернулся, обнял меня, крепко, по-земному. Поцеловал в макушку.
— Всё будет отлично. Я тебя люблю.

— Я тоже, — автоматически ответила я.

И это была правда. В своем роде. Я жила с Димой. Он был моей якорной цепью, вбитой в этот шумный, материальный мир. С ним был простой покой. Никакой вечной тоски, никакого пламени, способного испепелить душу.

А во сне... Во сне я видела его. Белета. В начале, в первые десятилетия, я просыпалась с криком, с лицом, мокрым от слез, с ощущением ледяного камня на сердце. Но за 180 лет слезы высохли. Они кристаллизовались, превратились во внутренний шрам из осколков льда и пепла. Он не болел постоянно. Он просто был. Немая, холодная масса в центре груди.

Сегодня был тот день. Ровно сто восемьдесят пять лет назад. День, когда мне показали его тело.

— Маш, ты какая-то грустная, — Дмитрий взял меня за подбородок, внимательно вглядываясь в лицо.

— Просто не выпалась, — я отвела глаза.

— Снова прошлое вспоминаешь? — в его голосе прозвучала знакомая, сдержанная терпимость.

— Дим, ну ты же знаешь... был муж. И он умер. Это так просто не забывается. Особенно... — я замолчала.

— Да, да, помню, — он вздохнул, беря портфель. — Особенно учитывая, что у тебя были два года с ним, а потом тебе показали его тело

Да, Дима знал. Я рассказала ему. Не все. Не про то, как выглядело тело. Но он знал, что моим мужем был демон, князь. И что его отец, Верховный Архонт Преисподней, отправил его на самую горячую границу — туда, где сталкиваются легионы Ада и когорты Архангелов. Отправил не как воина, а как разменную монету в большой политической игре. И Белет, Хранитель, князь, который поклялся защищать мой мир, погиб там, на той границе. А потом... потом его отец, холодный и расчетливый, велел доставить тело «вдове, дабы она знала конец».

Мне показали его. Он умер вдали, в огне и стали. А я увидела лишь результат. Тело, почти не тронутое, но *пустое*. Золотые глаза, потухшие навеки, смотрели в никуда. Его рука, та самая, что касалась моей щеки, была холодной и тяжелой,

как кусок мрамора. От него не исходило ни тепла, ни энергии, ни той особенной ауры, что всегда окружала его. Просто... оболочка. Красивая и страшная. Его отец стоял рядом, без единой эмоции на лице, и сказал: «Теперь ты свободна. От связи. От него».

Я не кричала. Не плакала тогда. Я онемела. А потом началось бегство. Бегство от всего, что могло напомнить: от запаха серы, озона после грозы, от черного бархата, от слишком прямых взглядов. Бегство, которое длилось 185 лет и привело меня сюда, к Дмитрию, к синему галстуку в полоску.

— Все будет хорошо, — повторил Дмитрий, целуя меня в губы быстрым, легким поцелуем. — Вечером отпразднуем. Закажем суши.

Дверь закрылась. В квартире воцарилась тишина. Я осталась одна. Со своим днем. Со своей памятью.

Я подошла к окну, наблюдая, как его машина выруливает со двора. Я улыбнулась ему на удачу. А сама стояла и думала не о последнем взгляде, а о том пустом, совершенном лице, которое уже не было им. О том, как его отец смотрел на меня, словно на соринку, которую наконец стряхнули с драгоценного одеяния своей династии.

Я обхватила себя руками, пытаюсь согреть внезапно пробудившийся ледяной осколок внутри. За окном сияло обычное земное солнце.

«Особенно...» — недоговорила я Диме.

Особенно когда твоё прошлое — не теплая память, а

холодное, неподвижное тело, показанное тебе в наизидание. И ты бежишь от него почти два века, но в день, который стал днем его гибели, ты застываешь, как тогда. Безмолвная, смотрящая в пустоту, где уже нет золотых глаз.

Тишина после захлопнувшейся двери была гулкой, как колокол. Я стояла у окна, и с каждым ударом сердца ледяной осколок внутри будто поворачивался, впиваясь острыми гранями в плоть души. Глотка сжалась. Дыхание стало прерывистым, поверхностным.

Не сейчас. Не сейчас. Он ушел. Он не увидит.

Но сдержаться уже не было сил. Год за годом я строила плотину из будней, из улыбок Диме, из обсуждения ипотеки и марок автомобилей. А сегодня, в этот день, волна из прошлого нахлынула с такой силой, что смыла всё. Каждую песчинку контроля.

Я позволила себе упасть. Просто рухнуть лицом в подушку, ещё хранившую запах его геля для бритья — Димин, земной, безопасный запах. И тут же разрыдалась. Не тихими, сдержанными слезами, а беззвучным, сотрясающим всё тело рыданием. Горло свела судорога, воздух вырывался хриплыми, короткими всхлипами. Пальцы впились в ткань простыни, пока не заныли суставы.

Больно. Боже, как все ещё больно. Прошло сто восемьдесят пять лет, почти два века побега, пять лет этой вот, условно-нормальной жизни — а боль не притупилась. Она лишь залегла на дно, окаменела, и сегодня, как отбойный молоток,

била изнутри. Боль от пустоты. От той абсолютной, вселенской тишины, что осталась в мире после того, как погасли его глаза. Не его смерть на моих руках была самой страшной пыткой. Самым страшным было *после*. Мир, в котором его больше не было. Нигде. Ни в Аду, куда мне путь заказан, ни здесь, где каждая тень когда-то могла оказаться им. Просто... пустота.

Я встала с кровати, всё ещё содрогаясь от рыданий, и побрела в ванную. Умылась ледяной водой, глядя на своё отражение в зеркале.

Я выжгла в себе даже внешность. Свой золотой луч.
«Твои волосы... они как первый луч Сердца Мира».

Его слова. Его голос. Его взгляд, полный того тёплого золота, которого теперь не было нигде.

Больше не будет. Не будет золотого лучика. Не будет его золотого лучика.

Я взяла первую попавшуюся под руку краску много лет назад, ещё в первые года бегства. Тёмно-русую, максимально непохожую на мой природный цвет. Я закрашивала их с маниакальным упорством, как будто с каждым прядью могла закрасить и память. А когда силы стали слабеть и я начала терять связь с истоками, волосы сами по себе перестали отливать тем магическим золотом. Они просто стали... обычными. Тусклыми. Как и всё во мне.

В зеркало на меня смотрела другая я. С тёмными, прямыми (я выпрямляла их утюжком каждый день) волосами. С

глазами, подпухшими от слёз, но лишёнными того внутреннего сияния, что было раньше. Я носила простую, немаркую одежду. Работала за компьютером. Говорила на сленге. Прятала руки, которые могли чувствовать токи между мирами, в карманы или в перчатки.

Всё для того, чтобы ничто не напоминало о нём. Даже собственный вид. Даже сама себе. Если я не вижу в зеркале ту девушку с ветром в золотых кудрях, то, может быть, и он, глядя откуда-то из небытия, не узнает меня. Не найдет. И мне будет чуть-чуть легче дышать.

Я провела пальцами по тёмным прядям. Они были сухими, безжизненными от химии. Ничего общего с тем живым золотом, что когда-то называли лучом.

«Прости, — хрипло выдохнула я в пустую ванную, обращаясь не к Диме, и даже не к самой себе. А к тому призраку, который жил в осколке льда у меня в груди. — Прости, что стёрла себя. Но иначе я не смогла бы выжить. Не смогла бы сделать хоть один шаг без тебя.»

Но это была ложь. Я не выжила. Я просто научилась существовать. А сегодня, в день его гибели, даже это давалось с нечеловеческим трудом.

Я нанесла на глаза маскирующий консилер, чтобы Дима ничего не заметил. Надела привычную, нейтральную улыбку, как надевают бронежилет. И пошла варить кофе. Автоматически. Как будто сегодня был самый обычный день. Как будто где-то в ином слое бытия не лежало пустое тело демо-

на, которое навсегда изменило моё отражение в зеркале.

Глава 5. Заказ

Голос Милы в трубке звучал взволнованно и чуть виновато — сочетание, которое всегда предвещало проблемы.

— Маш! У нас заказ! Надо проверить стабилизацию портала! Возьмешься?

Я прижала телефон к уху, глядя на свое отражение в темном окне. Другая я. С темными волосами.

— А ты что? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Да я... адские порталы не особо люблю, — призналась Мила, понизив голос. — Но платят здесь, наверху, чертовски хорошо. Заказчик влиятельный, с «той» стороны.

«Та сторона». Словно удар лезвием по старому шраму.

— Да, давай, — сказала я ровным голосом, не дав себе времени передумать. Что-то внутри, давно уснувшее, слабо дрогнуло при слове «адский».

— Только, говорят, нужна аккуратность, — тут же предупредила Мила. — Там... короче, кому-то очень не нравится, что лезут в этот портал. Могут... ну, попытаться ликвидировать тебя, как незаконного стабилизатора.

— Мил, снова что ли? — я зажмурилась, ощущая, как по спине пробегает холодок старой ненависти. — Опять борьба князей за контроль над тоннелем?

— Ну, да... — в голосе Милы послышалось смущение. — Но ты в этом больше меня шаришь. Ты же... — она запну-

лась, не решаясь закончить. *Ты же была замужем за одним из них.*

— Возьмешь? — быстро перебила она сама себя. — Там правда отличный гонорар. Хватит тебе на год не думать о дизайне этих дурацких визиток.

— А если меня схватят? — спросила я, уже мысленно примеряя ситуацию к внутренней пустоте. — Я давно не открывала порталы, не то что проходила. И если там его стража... мне не сбежать будет.

Мои силы, не используемые, медленно угасали, как мышцы без нагрузки. Я стала медленнее, уязвимее. Обычнее.

— Я тебя вытащу! — тут же пообещала Мила, и в ее голосе зазвучала отчаянная решимость. — Честно-благородное! У меня тут парочка новых штук от одного алхимика с Нижних Ярусов.

Я вздохнула. Глубоко. Шум города за окном казался теперь бутафорским фоном.

— Ладно, — сдалась я. — Кидай координаты.

— Ура! — Мила оживилась, и сразу послышался звук печатающего пальца по стеклу. — Это на Покровке. Бизнес-центр «Взгляд Извне», подвал, технический отсек 3-Б.

Мир на мгновение замер. Потом обрушился.

— Бля, Мил, — выдохнула я, и голос мой стал чужим, плоским. — Это бизнес-центр *Артамаэля*.

Тишина в трубке стала густой, виноватой.

— Маш... я знаю, — тихо сказала Мила. — Прости. За-

казчик — младший брат Белета. Он хочет проверить, не заминирован ли портал против него.

Имя отца Белета — Артамаэль — повисло в воздухе между нами, как ядовитый газ. Артамаэль. Повелитель Бездны, Хранитель Вечных Врат. Именно он всегда был против нас. Против нашего союза. Против «загрязнения крови» своего наследника. Он считал меня ошибкой, слабостью, которую его сын вовремя не устранил. Именно он с тем же ледяным безразличием, с каким подписывал указы, отправил Белета на ту роковую границу. И именно он потом велел доставить мне тело — не из жестокости, а как отчет. Как финальную точку в деле, которое было для него закрыто.

И теперь его империя простиралась и сюда, в мир людей, прикрываясь стеклом и бетоном бизнес-центров с говорящими названиями. «Взгляд Извне». О, да. Артамаэль всегда смотрел извне, из своей неприступной цитадели, и его взгляд был подобен леднику, сокрушающему всё на своём пути.

— Я выдохнула, — сказала я в трубке, уже не понимая, говорю я ей или себе. — Деньги перечислай сразу. Половину. Остальное — когда вернусь. Если вернусь.

— Вернешься, — тут же, с пугающей уверенностью, сказала Мила. — Ты сильнее, чем думаешь. Даже сейчас.

Я не ответила. Просто положила трубку.

Координаты уже светились на экране. «Взгляд Извне». Логово змея. Я подошла к шкафу, к самой дальней его части, и достала старый, пыльный рюкзак. Несколько кристал-

лов-стабилизаторов, потрескавшихся от времени. Перчатки из кожи, которая не была кожей. И на самом дне — маленький кинжал. Подарок. Не Белета. Его младшего брата. На лезвии был вытравлен девиз их Дома: «Из пламени — порядок».

«Какой порядок? — думала я, сжимая рукоять. — Только пепел.»

Я посмотрела в зеркало. Темные волосы, обычное лицо. Ничто не выдавало Ходячую. Ничто не напоминало о золотом лучике, который когда-то осмелился полюбить принца Тьмы.

Но чтобы войти в портал, хоть на минуту, придется сбросить маску. Придется снова стать собой. Той, которой больше нет. И шагнуть прямо в пасть к дракону, который когда-то отнял у нее всё. К Артамаэлю.

Быстро набрала смс Диме, пальцы слегка дрожали:

Я: Дим, у меня срочный фриланс. Буду поздно дома... Клиент нервный, надо всё сегодня делать.

Он ответил почти мгновенно — должно быть, был перерыв между встречами.

Дмитрий: Опять? Маш, скоро ты не будешь брать эти заказы «извне», обещаю! Как только утвердят повышение, будешь заниматься только тем, что нравится. Отдыхать.

Он думал, что я беру сверхурочную работу по дизайну. Он хотел меня оградить, построить для меня уютную, маленькую вселенную, где не будет места ничьим «нервным клиен-

там». Сердце сжалось от вины и какой-то нелепой нежности.

Я: Хорошо) Удачи на совещании. Люблю.

Я послала смайлик, поставила телефон на беззвучный и убрала его в карман. Теперь можно было звонить Миле.

Я надела перчатки. Пора идти. На «фриланс».

Глава 6. Прошрое.

Первый день в Аду.

Ад пах не серой и страхом, как в рассказах. Он пах *властью*. Воздух был густым, тяжёлым, с примесью озона от магических разрядов и сладковатой, терпкой нотой чего-то вечно тлеющего. Под ногами, вместо земли, был отполированный до зеркального блеска чёрный базальт, в котором отражались кровавые отсветы лавовых рек, струившихся за гигантскими арочными окнами.

Я держалась за руку Белета так крепко, что, казалось, кости вот-вот хрустнут. Моё лёгкое платье из мира Ходячих выглядело здесь диковинным белым пятном, а босые ноги мёрзли от ледяного холода, исходившего от камня, несмотря на жар, лившийся снаружи.

— Не бойся, — он шепнул, и его пальцы мягко разжали мою хватку, переплетаясь с моими. — Они всего лишь моя семья. В каком-то смысле.

Мы вошли в Гулкий Чертог — огромное помещение с колоннами, высеченными в виде сплетённых тел стражей. И там, у большого стола, грубо вытесанного из цельного куска тёмного камня, сидел он.

Волот. Младший брат Белета.

Он был похож на Белета — та же скульптурная резкость

черт, те же углы, но всё в нём казалось *грубее, шире*. Если Белет был отточенным клинком, то Волот — тяжёлой секирой. Его волосы были такого же иссиня-чёрного цвета, но стянуты в небрежный пучок, а в золотистых глазах, унаследованных от рода, плескалось не спокойствие, а дерзкий, едкий огонь. Он разглядывал какую-то карту на столе, но, услышав наши шаги, поднял взгляд.

Его глаза скользнули по мне, и в них мелькнуло откровенное, бесцеремонное любопытство. А потом он громко расхохотался. Звук был грубым и раскатистым, эхом отражаясь от стен.

— Ну и вид, братец! — воскликнул Волот, откидываясь на спинку своего массивного кресла. — Ты как влюблённый подросток, таскающий свою первую пассию по самым мрачным углам, чтобы впечатлить! Привёл её прямо в Чертог! Папашка будет в восторге!

— Заткнись, Волот, — голос Белета был спокоен, но в нём прозвучала сталь. Он не отпускал мою руку.

Волот только сильнее рассмеялся, ткнув пальцем в мою сторону.
— Смотри-ка, она и правда босиком! Наш пол для её нежных стоп, поди, слишком суров? Хочешь, я прикажу постелить ей коврик из шкур грешников? Особо мягких?

Я неожиданно для себя рассмеялась. Не от веселья, а от натянутости, от абсурда ситуации. Этот грубый, хамоватый демон был... почти по-человечески комичен в своей прямолинейности. Мой смех, звонкий и живой, резко оборвался в

гулкой тишине зала.

И в этот момент в дальнем конце Чертога раздвинулась тяжелая завеса из теней, и в зал вошёл Он.

Артамаэль.

Отец.

Он был высок, даже выше Белета, и казался высеченным из самой вечной, неподвижной тьмы. Его черты были идеальными и безжизненными, как у статуи. Волосы — серебристо-белые, длинные, ниспадавшие на плечи мантии из чистейшей ночи. А глаза... У него не было золотых глаз его сыновей. Его глаза были пустыми, как глубокие колодцы, ведущие в никуда. В них не было ни гнева, ни любопытства — только абсолютный, леденящий душу нейтралитет.

Его взгляд, холодный и всеведущий, упал на меня. На нашу сплетённые руки.

— Белиал, — произнёс он. Голос был тихим, но каждый слог отдавался в костях, как удар гонга. Он использовал полное, архаичное имя Белета, которое тот не любил. — Что здесь делает ходячая?

Я почувствовала, как рука Белета слегка дрогнула, но он шагнул вперёд, поставив себя между мной и отцом.

— Отец. Она моя... — он начал, и в его голосе впервые зазвучала не уверенность, а вызов.

— Твоя *кто*? — Артамаэль не повысил голос. Он просто перебил. И этот вопрос повис в воздухе, острый как лезвие.

Белет выпрямился во весь рост. Золото в его глазах вспых-

нуло, заиграло внутренним огнём.
 — Я люблю её.

Три слова. Простые. Смертельные.

Волот замер, уставившись на брата с внезапно проснувшимся интересом, смешанным с тревогой.

Артамаэль медленно, будто с трудом, перевёл взгляд с сына на меня и обратно.
 — Ты стал слаб, — констатировал он. В его голосе не было разочарования. Была констатация факта, как о погоде. — Эта тварь из иного слоя, эта *блуждающая искра*, сделала тебя уязвимым. Она — трещина в твоей броне. В броне нашего Дома.

— Неправда! — выкрикнул Белет, и впервые за все время, что я его знала, его спокойствие дало трещину. Его аура, обычно сдержанная и плотная, вдруг *полыхнула*.

От него волной хлынула мощь. Не разрушительная, а защитная. Она сгустилась вокруг меня, плотным, тёплым коконом, и в то же время *надавила* на пространство зала. Воздух затрепетал. Пыль на столе Волота взметнулась вверх. Пламя в светильниках припало к фитилям, будто в страхе.

Это была демонстрация силы. Не слабости. Силы, имеющей источник, точку опоры. Меня.

Артамаэль наблюдал за этим всплеском своими пустыми глазами. Ни один мускул не дрогнул на его лице.
 — Интересно, — произнёс он наконец, и это слово прозвучало леденяще. — Ты используешь свою суть, чтобы *защищать*. А не чтобы подчинять. Это... ново.

Он повернулся, чтобы уйти, его мантия бесшумно пово-

локлась по чёрному полу.
 — Убери её с глаз моих, — бросил он через плечо, уже растворяясь в тенях. — И помни, Белиал. Всё, что можно защитить, можно и отнять. Трещина имеет свойство расширяться, пока всё не рухнет.

Он исчез.

Давление спало. Белет тяжело дышал, его аура медленно втягивалась обратно. Волот свистнул, низко и протяжно.
 — Ну ты даёшь, брат. Папашке ауру показал. Из-за *ходячей*. — Он посмотрел на меня с новым, оценивающим взглядом, уже без насмешки. — Держись за него, золотой лучик. Ты, похоже, единственное, что может заставить его выйти из тени.

Я не ответила. Я просто прижалась к Белету, чувствуя, как его сердце (или то, что его заменяло) бешено колотится под тканью камзола. В тот момент я думала, что мы только что одержали победу. Стояли против самого Артамаэля и не отступили. Я не понимала тогда, что это было не начало войны. Это было объявление её. И первый камень в фундамент той катастрофы, которая в итоге заберёт у меня всё.

Я посмотрела на Белета. Его лицо было напряжённым, в уголках губ застыла суровая складка. Я коснулась его щеки.
 — Белет... не нужно было. Не нужно было так...
 Он перехватил мою руку, прижал ладонь к своим губам. Его золотые глаза горели непоколебимой решимостью.
 — Нужно! Я всё решил, ты знаешь. Пусть он сто раз мой отец и Повелитель Бездны. Но я не собираюсь игнорировать

то, что ты — моя истинная пара. Это выше его влияния, выше договоров и титулов. Это... решение вселенной. И даже он не имеет права его оспорить.

— Белет... — прошептала я, и голос дрогнул — от страха за него, от безумной гордости, от этой всепоглощающей любви, которая в его мире считалась слабостью.

Он наклонился ко мне, и его лоб коснулся моего.
 — Лучик, всё будет хорошо. Я обещаю.

И я поцеловала его. Нежно, но уверенно. Закрыв глаза на мрачные своды чертога, на давящую ауру власти, на предостережение его отца. В этом поцелуе был мой ответ, моя вера в него, в нас.

— Ой, фу! — раздался громкий, нарочито-брезгливый голос Волота. — Прямо как люди, слащавые. На глазах у родного брата! Сердце щемит от умиления, аж тошнит.

Мы с Белетом разомкнули губы и рассмеялись. Напряжение сломалось, развеялось этим грубым, но таким *живым* вмешательством. Белет тряхнул головой, и тень окончательно сошла с его лица.
 — Иди готовь залы для аудиенции, болтун, — бросил он брату, но в голосе уже не было прежней строгости, а лишь привычное, братское раздражение.
 — Для кого это? Для её родителей? — фыркнул Волот, но уже поднимался с кресла, сминая карту. — О, это будет зрелище. Надеюсь, они покрепче тебя, золотой лучик. А то наш папаша любит... производить впечатление на гостей.

Он ушёл, оставив нас одних в огромном Гулке Чертоге.

Белет обнял меня, и я прижалась к его груди, слушая непривычный, успокаивающий ритм его сердца.
 — Он прав, — тихо сказала я. — Твой отец...
 — Мой отец правит миром, где сила — единственный закон, — перебил он меня, гладя мои волосы. — А я только что показал ему свою. Не как сын, а как князь, нашедший свой якорь. Он это понял. И теперь будет действовать иначе.

Я хотела спросить «как?», но замерла. В его словах была непоколебимая уверенность, та самая, что заставляла поверить в невозможное. В тот момент, в его объятиях, под насмешливым, но не враждебным покровительством Волота, я действительно верила, что всё будет хорошо.

Я ещё не знала, что «действовать иначе» для Артамаэля значило не принять, а найти более изощрённый способ устранить угрозу. Что его холодный расчёт окажется сильнее нашей горячей веры. И что брат, который сейчас смеялся над нашей «слащавостью», однажды станет единственной нитью, связывающей меня с этим проклятым миром после того, как всё рухнет.

Глава 7. Вечер

Рюкзак тянул плечо своей незначительной тяжестью. В нем лежало прошлое, к которому я боялась прикасаться. Я ехала в метро, и лица людей в вагоне казались мне плоскими, нереальными на фоне того, что меня ждало. «Взгляд Извне» — стеклянная громадина в стиле хай-тек, холодная и неприступная, как и ее истинный владелец.

Я прошла через главный вход с пропуском, который Мила каким-то чудом организовала — визитка мнимой «инженера по климатическим системам». Лифт умчал меня в подземные этажи, где пахло озоном, пылью и чем-то еще — слабым, едва уловимым запахом серы и перегретого металла. Отсек 3-Б оказался заброшенной технической комнатой с голыми стенами, щитами с мигающими диодами и гудящими трансформаторами. И прямо в центре, за фальшивой стенкой из гипсокартона, сквозила та самая аномалия.

Портал.

Он был невелик, примерно с дверной проем, и нестабилен. Его поверхность колыхалась, как масляная пленка на воде, переливаясь грязно-багровыми и свинцово-серыми оттенками. От него веяло сухим жаром и тем специфическим давлением на барабанные перепонки, которое я помнила слишком хорошо. Это был адский шлюз низкого уровня, вероятно, использовавшийся для контрабанды информа-

ции или определенных сущностей, не требующих большого расхода энергии. Именно такие порталы были самыми опасными — их проще было заминировать ловушками или перехватить.

Я надела перчатки. Кожа, не являющаяся кожей, прилегла к пальцам, оживая и становясь продолжением кожи. Первое глубокое дыхание за долгие годы, направленное не на подавление, а на пробуждение. Я закрыла глаза и позволила себе *почувствовать*.

Мир вокруг зашевелился. Я увидела его не глазами, а внутренним зрением Ходячей: серые, бетонные потоки энергии здания, холодные синие нити электрических сетей и... раскаленный, извивающийся рубец самого портала. От него, как паутина, тянулись тончайшие нити подключений — сигнальные маячки, шпионские следы, якоря для дистанционного захвата. Их было больше, чем должно быть. Кто-то активно мониторил этот канал.

Заказчик хотел знать, кто. И хотел, чтобы канал был очищен и стабилизирован под его, заказчика, уникальный ключ доступа. То есть, под его душу или её аналог. Работа ювелирная и смертельно опасная.

Я вынула из рюкзака три потрескавшихся кристалла-стабилизатора и расставила их по углам воображаемого треугольника вокруг портала. Затем подошла вплотную. Жар обжег лицо. Я протянула руки, не касаясь поверхности, и позволила своей силе — давно не использованной, ржавой,

но все еще могучей — хлынуть наружу.

Золотистый свет, тусклый и неуверенный поначалу, по-
лился из моих ладоней. Не луч Сердца Мира, каким был ко-
гда-то, а скорее, слабое сияние уцелевшего уголька. Но его
было достаточно. Я вплела свои нити в структуру портала,
ощущая её дрожь, её слабые места. Потом шагнула *внутрь*.

Не телом. Сознанием. Проекцией. Мир сузился до вихря
конфликтующих энергий. Я парила в коридоре между мира-
ми, чувствуя, как по краям этого туннеля цепляются парази-
тические присоединения. Одно пахло холодом и сталью —
почерк стражи Артамаэля. Другое — едкой магией некро-
мантов с Нижних Ярусов. Третье... третье было едва улови-
мым, знакомым. Оно пахло дымом и дикой свободой. Волот.

Брат Белета. Наш заказчик. Он где-то тут, на другом кон-
це, ждет сигнала.

Я не стала выходить на его сторону. Не могла. Я мыслен-
но отсекала щупальца шпионов, аккуратно, как хирург, при-
жигая места присоединений своей энергией. Потом начала
укреплять стенки портала, уплотняя их, делая непроницае-
мыми для внешнего воздействия. Это была изнурительная
работа. Пот стекал по вискам под темными волосами, дыха-
ние стало прерывистым. Я почти закончила, оставалось толь-
ко закрепить новый ключ доступа — уникальную метку Во-
лота.

И тут я почувствовала *его*. Не его метку. Его внимание.
Он заметил моё вторжение. Не как хакера, а как... кого-то

знакомого. Через слой защиты, через годы молчания, его сознание, грубое и цепкое, коснулось моей проекции.

В воздухе передо мной, в самом вихре портала, сгустился полупрозрачный, искаженный образ. Широкие плечи, небрежный пучок черных волос. Золотые глаза, в которых не было тепла брата, но была та же пронзительная сила. Он смотрел прямо на меня, и даже в этом виде его взгляд был физическим давлением.

— Лучик? — прозвучал его голос, не через уши, а прямо в сознании, хриплый и изумленный. — Это... ты? Ты жива?

Я замерла. Сердце бешено заколотилось. Голос Волота был ударом в солнечное сплетение. Слишком похож. Не тембром, а самой сутью, интонацией, этим сочетанием дерзости и чего-то еще... раненого.

Я оборвала контакт. Резко, грубо, как отдергиваешь руку от огня. Я не ответила. Я не могла. В тот день, когда мне показали тело Белета, Волота там не было. Говорили, он бросился искать ответы, поднял мятеж в отдельных легионах, пытался противостоять отцу. А потом пропал. И я... я оборвала все связи. Со всем, что было связано с тем миром. С ним — особенно. Потому что смотреть на него, на это живое, дышащее отражение моего погибшего мужа, было невыносимой пыткой. Каждая его черта, каждый жест были и похожи, и не те. Жутким, болезненным эхом.

Я закончила работу на автомате, вплела его ключ в ядро портала с дрожащими руками и выдержнула своё сознание об-

ратно в тело в подвале бизнес-центра.

Я стояла, опираясь о холодную стену, и дышала, как после марафона. Портал передо мной теперь светился ровным, стабильным багровым светом. Чистым. Защищенным. Работа была сделана. Но в ушах всё еще звучал его голос. «Лу-чик? Ты жива?»

Я выскочила из подвального отсека, почти не помня пути. Слепящий свет холла бизнес-центра, равнодушные взгляды охраны — всё плыло перед глазами, как в дурном сне. Я не бежала — я удирала. От того голоса в голове, от золотых глаз в вихре портала, от самой себя, которая на секунду отошла на старое имя.

Слезы текли по щекам горячими, солёными ручьями, смешиваясь с потом усталости и страха. Я не пыталась их сдерживать. В такси я просто рухнула на заднее сиденье, выдохнула адрес и закрыла глаза. И тогда рыдания наконец вырвались наружу — беззвучные, содрогающие всё тело судороги, от которых сводило живот. Я задыхалась, прикрыв рот ладонью, чувствуя, как в горле поднимается ком тоски, такой огромный, что, казалось, он разорвёт меня изнутри.

«Конечно, жива. Хотя душа умерла в тот день 185 лет назад».

В телефоне, лежавшем на коленях, завибрировало уведомление о переводе. Сумма была действительно крупной. Потом пришло сообщение от Милы:

Мила: Ты как? Всё норм? Отчитаться можешь позже.

Я с трудом разлепила мокрые от слёз ресницы и тыкала в экран дрожащими пальцами:

Я: Прошное постучалось в дверь. Больно.

Она ответила почти мгновенно, будто ждала, держа телефон в руках:

Мила: Маш, держись. Я тут. Не сдавайся.

Я не ответила. Просто прижала телефон к груди, как амулет. Такси мчалось по вечерним улицам, мимо ярких витрин и счастливых людей, спешащих по своим делам. Они не знали, что по их городу едет призрак. Женщина с мёртвой душой, обёрнутой в плоть, которая только что говорила с демоном.

Я смотрела в запотевшее стекло, на искажённые отражения огней. Слово «лучик» жгло изнутри, как раскалённая игла. Его произнёс Волот. Последний, кто имел право его произносить, кроме одного человека. И тот человек был мёртв. А я... я была просто оболочкой, которая забыла, как светиться.

«Держись», — писала Мила. А за что держаться? За тёмные волосы? За квартиру в ипотеку? За Диму, который ждёт суши и верит, что скоро я перестану брать «заказы извне»?

Машина остановилась у моего дома. Я расплатилась, вышла на холодный воздух и сделала глубокий вдох. Нужно было стереть следы. Умыться. Спрятать рюкзак. Приготовить ужин. Улыбнуться, когда Дима придёт.

Я посмотрела на окно нашей квартиры. Там была моя но-

вая жизнь. Хрупкая, искусственная, но моя.

А где-то там, в бизнес-центре «Взгляд Извне», теперь был стабильный портал, помеченный ключом брата моего погибшего мужа. Прошлое не просто постучалось. Оно проломило дверь. И теперь стояло на пороге, дыша знакомым жаром, смотря на меня золотыми глазами, в которых читался немой вопрос: «Что ты теперь будешь делать, лучик?»

В такси я откинулась на сиденье, стирая ладонью мокрые, липкие следы слёз. В ушах всё ещё гудел тот голос. «Лучик. Ты жива?» Фантомная боль от старого шрама горела так, будто его только что вновь раскрыли. Работа была сделана, деньги переведены, но цена оказалась слишком высокой. Цена — пробуждение.

Я не могла так больше. Не могла позволять прошлому находить меня через случайные порталы, через сообщения Милы, через эту хрупкую, больную надежду, что я могу контролировать контакт. Я бежала 180 лет, чтобы выстроить хоть какую-то стену. И один день разрушил её.

С рыданием, которое всё ещё пыталось вырваться из горла, я взяла телефон. Сообщение от Милы («Маш, держись») всё ещё светилось на экране. Я открыла чат и начала печатать, почти не глядя, выцарапывая буквы влажными пальцами.

Я: Мила. Всё. Больше меня нет в ближайшие полгода. Никаких заказов. Совсем. И не смей контакты мои никому давать. Ни единой зацепки. Я сейчас же сменю номер. Когда

буду готова работать — сама свяжусь.

Я отправила. Убрала телефон, ожидая взрыва возмущения, вопросов, упрёков. Мила жила на этих заказах, на этой связи с «той» стороной больше, чем я. Мы были спайкой.

Ответ пришёл не сразу. Машина проехала ещё пару кварталов, прежде чем телефон снова завибрировал. Коротко. Один раз.

Я медленно посмотрела на экран.

Мила: Маш... Хорошо.

Всего одно слово. Без точек в конце, без смайликов. Просто — хорошо. В нём была тихая, уставшая покорность и понимание. Она видела, во что это меня превратило сегодня. Она знала, от чего я бегу. И, кажется, наконец осознала, что моё бегство — не каприз, а вопрос выживания.

Это «хорошо» стало последним гвоздем. Оно означало конец. Контакт обрублен. Мост сожжён. По крайней мере, на полгода.

Я тут же, не выходя из такси, через приложение оператора заказала смену номера. Процесс займёт несколько часов. Старый номер умрёт, как умерла когда-то та девушка с золотыми кудрями. Останется только этот — с тёмными волосами, с квартирой, с Димой, с работой дизайнера.

Такси остановилось. Я расплатилась, вышла. Вечерний воздух обжёг лёгкие. Я посмотрела на окна своей квартиры скоро Дим вернётся, или уже там... С рассказом о повышении, с планами на будущее. И я должна буду улыбаться. Го-

товить суши. Слушать. Жить.

Я медленно пошла к подъезду, ощущая странную, ледяную пустоту. Решение было принято. Я снова отрезала себя. На этот раз не только от воспоминаний, но и от единственной нити, связывавшей меня с тем, кем я была. От Милы. От работы. От любой возможности услышать снова: «Лучик?»

Это было больно. Но в этой боли был жуткий покой. Как после ампутации гниющей конечности. Теперь оставалось только надеяться, что рана когда-нибудь затянется. Или что я научусь жить с этой новой, тихой пустотой, где не будет ни золотых лучей, ни золотых глаз. Только тишина.

Я стояла у подъезда, ключ холодной металлической пластинкой вжимался в ладонь. Ноги отказывались делать шаг вперёд, в тёплую, пахнущую котлетами и стиральным порошком обыденность, потому что в голове, поверх шума машин и детского смеха с площадки, предательски и чётко звучал его голос. Не только слова «лучик» и «ты жива». Звучал *он*. Волот. Не просто брат Белета. Почти друг. А в самые страшные времена — единственная опора внутри тех чёрных стен.

Мы дружили. После той первой встречи в Гулком Чертоге, где он смеялся над нами, что-то изменилось. Он видел, что я не просто «ходячая», не прихоть его брата. Видел, как мы с Белетом держимся друг за друга против ледяного напора Артамаэля. И в нём, этом грубом, дерзком вояке, проснулось что-то вроде... рыцарства. Или просто братская соли-

дарность против общего тирана-отца.

Он был с нами в самые тяжёлые времена.

Особенно тогда. Когда из-за стресса, из-за постоянного давления, из-за ядовитой ауры ненависти, которую источал Артамаэль, направляя её прямо на меня... я потеряла ребёнка. Нашего с Белетом ребёнка. Едва успев узнать о нём, ещё не ощутив толчков, лишь догадываясь по магическим всплескам внутри — я уже хоронила крошечную, едва сформировавшуюся искру смешанной души.

Белет обезумел от горя и ярости. Его сила вышла из-под контроля, он едва не спалил целое крыло дворца. А Волот... Волот пришёл. Не с пустыми словами. Он принёс странный, горький чай из адовых корней, усадил меня, всё ещё холодную и онемевшую, в кресло, и встал между нами и внешним миром. Он выгнал всех лекарей, присланных отцом с фальшивыми соболезнованиями, и сам дежурил у дверей, его золотые глаза горели тихим, смертельным огнём. Он не говорил «держись». Он просто был *там*. Молчаливая, грозная скала, когда наши собственные миры рушились.

А потом... потом отец Белета отступил. Не из жалости. А потому что потерял рычаг. Наследника, который мог бы связать две могущественные крови, больше не было. Угроза его чистой династии была устранена самой судьбой. Его интерес к нам на время угас, сменившись холодным равнодушием. Конфликт потерял остроту, но мы потеряли всё. Наш шанс. Нашу надежду. Часть нас самих.

И Волот тогда, перед тем как уйти, положил свою огромную, шершавую ладонь мне на голову. Не как брат Белета. Почти как... старший брат мне.
 — Живи, лучик, — хрипло сказал он. — Хоть ты и причиняешь всем одни проблемы. Живи назло.

Нутро сжалось сейчас, стоя у ржавой двери подъезда, от этой памяти. Это был ещё один шрам, самый глубокий, самый тихий. О нём не знал даже Дима. Его нельзя было объяснить словами человеческого языка. Это была пустота, где должно было биться второе, крошечное сердце.

И этот человек, этот демон, который был свидетелем той потери, который видел нас в самом сломанном состоянии... только что нашел меня. И спросил, жива ли я.

Ключ наконец повернулся в скважине с громким щелчком. Я толкнула дверь и шагнула в тёплый, пахнущий старой штукатуркой подъезд. Телефон в кармане был мёртвым грузом, в нём уже умирал старый номер. Я отрезала Милу. Отрезала работу. Отрезала путь назад.

Но как отрезать память? Как вырвать из души образ того, кто был частью твоей самой страшной боли и в то же время — единственной живой опорой в кромешном аду?

Я медленно пошла по лестнице, шаг за шагом, цепляясь за перила. Надо было готовить ужин. Улыбаться. Говорить о повышении.

А внутри всё кричало одним-единственным, невысказанным ответом на его вопрос в портале:

«Да, Волот. Жива. Но та, кого ты знал, та, что могла быть «лучиком»... та умерла давно. Вместе с ребёнком. Вместе с Белетом. Осталось только это... это привидение с тёмными волосами. И ему нечего тебе сказать.»

Я медленно поднималась по лестнице, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. В голове, как заевшая пластинка, крутился один вопрос, заданный самой себе: *Зачем сменила номер?*

Ответ был простым, как нож в сердце: из страха.

Страх, что Волот найдёт Милу. Не через порталы — он был умнее. Он знал, как работает наш подпольный рынок. Он мог надавить, шантажировать, предложить ей сумму, от которой у неё перехватит дыхание. Или угрозу, от которой похолодеет кровь. Мила была крепким орешком, но против князя Ада, пусть и отступника, у неё не было шансов. Она бы сломалась. И выдала бы мой номер. А потом... потом его голос звучал бы не в энергетическом вихре, а в телефонной трубке. «Лучик. Нам нужно поговорить».

А я... я не была готова к этому. Не готова вот уже 180 лет. Не готова сейчас, когда каждый день — это тонкая плёнка льда над пропастью паники. Один звонок — и лёд треснет. Я утону. В том, что было. В том, чего не стало. В его вопросе, на который у меня нет ответа.

Тёплый свет, запах еды ударил по мне в коридоре квартиры — не домашней, а доставленной. И голос Димы, громкий, счастливый, из кухни:

— Маш, ты где пропадала? Я уже заказал вино и роллы! Отмечаем!

Он вышел в прихожую, сияющий, с бутылкой в руке. Его лицо было таким открытым, таким *настоящим* в своей простой, человеческой радости.

— Повышение! Официально! — объявил он, и в его глазах прыгали весёлые блики. — На сто тысяч зп больше! Представляешь?

Я заставила свои губы растянуться в улыбку. Сделала глаза шире. Вложила в голос всю силу изумления и восторга, на какую была способна.

— Ого! Ничего себе, Дим! — воскликнула я, звуча, надеюсь, достаточно естественно. — Это же... это фантастика!

Я бросила рюкзак в угол, подошла к нему, обняла. Он крепко прижал меня к себе, целуя в висок. — Вот видишь! Всё налаживается! Скоро и машина, и квартира... и ты забудешь про этих нервных клиентов. Всё лучшее впереди.

Я прижалась щекой к его груди, слушая уверенный стук его сердца. Оно билось за двоих. За него — и за меня, чьё собственное сердце было похоже на комок спутанных, ледяных проводов.

«Всё лучшее впереди». Он верил в это. Он строил для нас этот маленький, прочный мир из цифр на банковском счету, квадратных метров и марок автомобилей. А я только что сожгла за собой последний мост к тому, кто помнил, как я пла-

кала над пустотой в утробе. Кто знал вкус самого страшного горя. Кто был последним живым свидетельством *той* жизни.

Я подняла голову, посмотрела в его счастливые глаза.
— Давай отмечать, — сказала я, и голос не дрогнул. — Рассказывай всё по порядку.

Я повела его на кухню, к столу, уставленному суши и бокалам. Я слушала его, кивала, смеялась в нужных местах. А внутри тихо умирала мысль, что, отрезав Волота, я отрезала не только опасность. Я отрезала последнюю нить к той части своей души, которая, возможно, ещё не совсем умерла. И теперь оставалась только эта — тёмноволосая, улыбающаяся, разучившаяся светиться. Живая лишь наполовину. И обречённая играть эту роль до конца.

Я налила вина в бокал, наблюдая, как рубиновые блики играют в хрустале. Вопрос Димы был предсказуем, частью нашего вечернего ритуала — «Как день?». Обычно я отмахивалась общими фразами.

— А как у тебя с тем клиентом? — спросил он, закусывая ролл с угрем. — Что там за срочный фриланс был? Неужели в такое время что-то горело?

Я сделала глоток вина, давая себе секунду. Ложь должна была быть правдоподобной, близкой к реальности, но абсолютно безопасной.

— Да так, дизайн сайта доделывала, — сказала я, пожала плечами, изображая легкую усталость. — Навороченный, с целым разделом под «эзотерику». Там такие... порталы ани-

мированные надо было нарисовать, чтобы будто в другие миры вели. И амулеты всякие, символы непонятные. Клиентка предоставила кучу референсов, пришлось копировать.

Дим фыркнул, качая головой. Его мир был построен на логике, КРП и материальной выгоде.
— Ого, что за клиент-то такой? — в его голосе звучало не осуждение, а скорее снисходительное любопытство. — Богатый чудик?

— Ой, просто увлекающийся, — махнула я рукой, отламывая кусочек ролла. — Магией, мистикой, всякими древними практиками. У них, наверное, целое комьюнити такое.

— Понятно, — заключил Дим, снова наливая себе вина. — Шарлатан, что ли. Ну или просто деньги девать некуда. Зато тебе платят.

Я засмеялась. Звонко, легко, как будто это и правда было смешно. Как будто моё сердце не сжалось в комок при слове «порталы». Как будто я не видела сегодня настоящий портал, из которого на меня смотрели золотые глаза мёртвого прошлого.

— Шарлатан, не шарлатан, а заказ оплатил щедро, — сказала я, поднимая бокал. — За что, собственно, и выпьем. За твоё повышение и за моих чудаковатых клиентов, которые позволяют нам заказывать суши подороже!

— За нас! — чокнулся он, и в его взгляде была такая тёплая, простая любовь, что на мгновение мне стало стыдно. Стыдно за всю эту паутину лжи, за тёмные волосы, за спря-

танный в дальнем углу рюкзак с артефактами, но стыд тут же утонул в волне усталости и всепроникающего страха. Страха, что правда — эта дикая, неправдоподобная правда о демонах, потерянных детях и князьях Ада — убьёт этот хрупкий мир, если ворвется в наш дом. Убьёт его веру в меня. Убьёт этот простой ужин с вином и смехом.

Пусть уж лучше будет «шарлатан». Пусть уж лучше будет «чудак». Пусть уж лучше я буду темноволосой Машей, которая смеётся над чужими странностями, сама пряча самую большую странность глубоко внутри, под слоем краски для волос и поддельной улыбки. Я допила вино и потянулась за ещё одним роллом. Вечер продолжался. Я была здесь. В безопасности. И это было всё, что имело значение.

По крайней мере, так я пыталась себе внушить.

— Маш, а когда мы наконец познакомимся с твоими родителями? — спросил он, обвивая мою руку своей ладонью. — Я же всё про своих рассказывал, показывал фото. Хочу и твоих увидеть. Пригласи их в гости, ну.

Ложь, которую я приготовила заранее, выскользнула гладко, как отполированный камень:
— Дим, они... они не в этом городе. Далеко.

— Ну и что? — он не сдавался, его глаза сияли решимостью, подогретой алкоголем и сегодняшним успехом. — Давай слетаем к ним! Считай, свадебное путешествие наоборот. Я накопил, могу себе позволить билеты куда угодно. Говори — Таиланд, Норвегия, Австралия?

Он был так искренен. Так готов броситься на другой край *этого* мира, чтобы сделать шаг в мою жизнь. Жар подкатил к горлу. Я отпила воды, чтобы выиграть секунду.

— Дим... — я положила руку поверх его. — Они не в этом мире.

Он замер, бровь поползла вверх. Мозг, привыкший к логике, стал перебирать варианты: умерли? сектанты в глухой деревне? эмигрировали на Марс?

— Эмм... — он растерянно хмыкнул. — Ну, я, в принципе, готов. На себе опробовать твои «порталы», если это так необходимо. — Он сказал это с лёгкой, бравадной улыбкой, словно предлагал прыгнуть с тарзанки. Это было невыносимо. Эта наивная готовность шагнуть в неизвестное, даже не понимая, что это за бездна. Я сжала его пальцы.

— Дим, — сказала я тихо, но очень чётко, глядя прямо в его карие, человеческие глаза. — Я не открываю их. Давно. Мои силы... они слабы. Почти на нуле. Я уже больше человек, чем даже ты.

В этих словах была горькая правда. Силы Ходячей, не используемые, забытые, подавленные, заржавели. Я могла бы, наверное, ещё вызвать дрожь в воздухе, разглядеть потоки энергии. Но чтобы открыть стабильный, безопасный портал в мир Ходячих? Чтобы пройти через него самой, да ещё и провести смертного? Это было равно самоубийству. И его — тоже.

Его улыбка медленно угасла. Он увидел что-то в моём

взгляде — не печаль, а что-то другое. Отрешённость, может быть. Признание окончательного, бесповоротного разрыва с тем, что было когда-то домом.

— То есть... никак? — спросил он, и в его голосе прозвучало разочарование, но не злость. Скорее, грусть от того, что какая-то дверь у меня для него навсегда закрыта.

— Никак, — подтвердила я, и голос дрогнул. — Они там. Я здесь. И это... навсегда.

Он помолчал, разглядывая наши сплетённые пальцы. Потом вздохнул, поднял голову и поцеловал меня в лоб.
— Ладно. Значит, знакомиться будем по фотографиям. Если они у тебя есть.
— Есть, — соврала я, зная, что единственные изображения моих родителей — это не фото, а световые отпечатки в памяти, которые нельзя распечатать. — Как-нибудь покажу.

Он кивнул, отхлебнул вина, и разговор плавно перетек на другие темы — на планировку той самой трешки, на модели машин. Я снова смеялась, поддакивала.

Но внутри было холодно. Я только что ещё раз подтвердила пропасть между нами. Пропадь не в возрасте (что было бы смешно), а в самой природе бытия. Он жил в одном, плоском мире. Я была осколком другого, застрявшим здесь. И все мои попытки стать человеком были лишь жалкой имитацией. Особенно сейчас, когда призрак прошлого дотянулся до меня через портал, а я, вместо того чтобы встретиться с ним лицом к лицу, сменила номер телефона и красиво

ужинала, притворяясь, что мои самые страшные шрамы — всего лишь «увлечение магией» у чудаковатого клиента.

Я допила своё вино до дна. Оно было горьким. Как и правда, которую я никогда не смогу ему рассказать в полной мере.

Глава 8. Глава из прошлого: Клятва в Тени Чертога

Свадьба не могла быть публичной. Артамаэль никогда бы не дал благословения. Более того, он бы увидел в этом акте окончательное падение своего наследника и, возможно, решился бы на прямое устранение «проблемы». То есть, меня.

Поэтому всё было тайно. Не в сияющих залах или цветущих садах моего мира. А в самом сердце его — в Аду, в заброшенной, давно забытой капелле на нижних уровнях дворца. Её когда-то посвятили какому-то древнему, вышедшему из моды божеству распрей, и теперь здесь царили только пыль, тишина и холодный воздух, пахнувший старым камнем.

Я стояла посреди полумрака в простом платье из серебристой ткани, что мерцала, как лунная дорожка даже в этом отсутствии света. На мне не было фаты, только венки из призрачных цветов, которые Белет каким-то чудом раздобыл из пограничных миров — они светились мягким голубым сиянием.

Перед нами не было жреца. Был только Волот.

Он казался ещё более массивным и не на своём месте в этой утончённой, хоть и заброшенной, обстановке. Он был в своём обычном походном облачении, но начищенном до

блеска, а у пояса вместо оружия висел старый, потрёпанный том — свод законов их Дома. Он исполнял роль и свидетеля, и, в каком-то смысле, того, кто скрепит клятву перед лицом их собственных, пусть и отвергнутых нами, традиций.

Белет стоял напротив меня. Он был в тёмно-сером, почти чёрном, камзоле без всяких княжеских регалий. Только печать с его личным гербом на пальце. Его золотые глаза в полумраке светились, как два уголька, в которых плясало пламя.

Волот откашлялся, явно чувствуя себя неловко. — Ну, — начал он, его голос гулко отозвался под сводами. — Поскольку наш драгоценный отец сочтёт это деяние верхом идиотизма и измены, а все официальные жрецы побоятся скрепить, будем считать, что я здесь... самый высокопоставленный болван, который может засвидетельствовать сие безрассудство.

Белет усмехнулся, не отрывая от меня взгляда. — Начинай, брат.

Волот открыл том и пробежался глазами по странице, испещрённой сложными рунами. — Бла-бла-бла, силы небесные и преисподние, союзы ради власти, укрепление крови... — он махнул рукой и захлопнул книгу с громким хлопком, поднимая облако пыли. — К чёрту эту гнилую шелуху. Вы и так всё знаете.

Он сделал шаг вперед, и его лицо стало серьёзным. По-настоящему серьёзным. — Белет. Белиал, если хочешь.

Князь, наследник, боль в моей заднице с детства. Ты клянёшься этой... — он кивнул в мою сторону, — этой золотой помехе, этой ходячей катастрофе, быть её щитом и её мечом? Клянёшься защищать её от всего, даже от нашей собственной семьи, даже от самого себя, если придётся? И, что самое главное, клянёшься ли ты не становиться из-за неё скучным занудой, а то я сдохну со скуки?

Белет не смог сдержать улыбку, но в его глазах не было и тени шутки.
 — Клянусь. Всем, что во мне есть. Всем огнём и всей тьмой.

Волот кивнул и повернулся ко мне.
 — Ты. Лучик. Головная боль и, судя по всему, вечная обуза для моего брата. Клянёшься ли ты терпеть его вечную серьёзность, его адское высокомерие и его привычку читать свитки за ужином? Клянёшься ли ты быть его якорем в этом безумном мире и не дать ему окончательно превратиться в копию нашего драгоценного родителя? И, по возможности, иногда напоминать ему, что можно и посмеяться?

Я смотрела на Белета, на этого могущественного демона, который стоял передо мной, отбросив все титулы, и чувствовала, как комок подкатывает к горлу. Но голос мой был твёрдым.
 — Клянусь. Всем светом, что во мне есть. И всей тьмой, которую он мне подарил.

— Ну, вот и славно, — проворчал Волот. Он вытащил из-за пояса небольшой серебряный кинжал — простой, без украшений. — По старому обычаю. Не для крови, а для сим-

вола. Ваши силы.

Он протянул клинок Белету. Тот взял его и, не моргнув, провёл лезвием по своей ладони. Не кровь выступила на бледной коже, а капли чистого, жидкого золота — концентрированная магическая сущность. Он протянул кинжал мне.

Я взяла его. Лезвие было тёплым от его прикосновения. Я так же провела им по своей ладони. Выступила не кровь, а сияние, похожее на свет Сердца Мира — маленькие капельки жидкого света.

Волот взял кинжал обратно и соединил наши руки, прижимая мою ладонь с сиянием к его ладони с золотом. В момент соприкосновения раздался тихий звон, и между нашими пальцами вспыхнула короткая, ослепительная вспышка, в которой смешались золото и серебро. Ощущение было не болью, а слиянием. Как будто два разных тока вселенной нашли друг друга и замкнули цепь.

— Считай, что скреплено печатями, силами и моим свидетельством, — провозгласил Волот, отпуская наши руки. — Теперь вы друг другу боль и головная боль официально. Поздравляю. Или соболезнаю. Ещё не решил.

Белет не стал его слушать. Он притянул меня к себе и поцеловал. Это был не поцелуй на фестивале — нежный и вопрошающий. Это был поцелуй обладания, клятвы, тотального единения. В нём был вкус его золота и отблеск моего света.

Когда мы разомкнулись, Волот смотрел на нас, скрестив руки. В его золотых глазах не было насмешки. Было что-то сложное — грусть, предчувствие и та самая братская верность, которая привела его сюда.
 — Ладно, празднуйте, — буркнул он. — Я постою на страже. Чтобы никто не помешал вам... ну, вы поняли. Но! — он ткнул пальцем в нашу сторону. — Если из-за этого безобразия начнётся война, я буду валить деревья в вашем именительном саду в отместку. Я предупредил.

Он развернулся и вышел из капеллы, оставив нас одних в кольце света от моих цветов и мерцания наших соединённых ладоней.

Мы простояли так, молча, просто глядя друг на друга. Ни колец, ни гостей, ни благословений. Только пыль, холод и его брат, готовый принять на себя первый удар за нашу тайну.

— Мой муж, — прошептала я, пробуя это слово.
 — Моя жена, — ответил он, и в этих словах было больше власти и нежности, чем во всех титулах Ада.

Мы знали, что впереди — буря. Что отец узнает. Что это лишь начало долгой и опасной борьбы. Но в тот момент, в заброшенной капелле, мы верили, что наша клятва, скреплённая золотом, светом и братской верностью, сильнее любой ненависти. Мы были наивны. Мы были счастливы.
 Он открыл портал — не грубый разрыв, а плавную, золоти-стую дверь в самой стене заброшенной капеллы. С другой стороны мерцал мягкий свет и виднелись знакомые очерта-

ния. Его личные покои. Не парадные залы, а те самые комнаты, куда не ступала нога слуги без приказа, его настоящая крепость.

Мы шагнули через портал, и его теплое, знакомое пространство поглотило нас. Воздух здесь пах им — озоном, старыми книгами и той неуловимой пряной нотой, что была только его. Портал закрылся беззвучно, оставив нас в полной, уединённой тишине.

Он стоял передо мной, всё ещё держа мои руки. Его золотые глаза в мягком свете шаров-светильников казались бездонными. Он смотрел на меня, на моё простое серебристое платье, на венок из светящихся цветов в волосах, и его лицо было серьёзным до боли.

— Мария... — его голос был низким, полным благоговения, которое смешивалось с чем-то тёмным и жаждущим. — Ты выглядишь... божественно. Словно ангел, заблудившийся в самых тёмных чертогах. И прости... но я буду тебя осквернять. Снова и снова.

Я рассмеялась. Звонко, от всей души, потому что в его словах была вся его суть — демон, который боготворил то, что должен был бы презирать. Я встала на цыпочки и поцеловала его. Нежно, но уверенно, вкладывая в этот поцелуй весь свой свет, всё своё «да».

Его ответ был немедленным и всепоглощающим. Он прижал меня к себе, и его руки, сильные и точные, нашли лямки моего платья. Один лёгкий рывок — и тонкая ткань со-

скользнула с плеч, упав на талию, оголив грудь. Вечерний воздух комнаты коснулся кожи мурашками.

— Мария... — снова прошептал он, и в этом слове был и восторг, и боль, и невероятная нежность.

Он не стал медлить. Одной рукой он подхватил меня под попу, легко поднял, как перышко, и опустил на широкую, покрытую тёмным шелком кровать. Его тело нависло надо мной, блокируя свет, но его глаза горели в полумраке своим собственным сиянием. Он склонился, и его губы, а затем горячий, влажный язык коснулись сначала одного соска, потом другого. Осторожно, почти исследуя, а потом — с возрастающей жадой, заставляя меня выгнуться и вскрикнуть от неожиданного, острого удовольствия.

— Моя жена, — прорычал он, его голос вибрировал у меня на коже. — Теперь. Каждый день. Я буду напоминать тебе, кто твой муж.

Его рука, свободная, скользнула вверх по моему бедру, под подол задрапированной ткани платья. Его пальцы были твёрдыми и неумолимыми. Слышен был лишь тихий звук рвущейся ткани — он попросту разорвал мои трусики, этот последний жалкий барьер. Воздух коснулся самой сокровенной части меня, и я вздрогнула, но не от страха. От предвкушения.

Он оторвался от моей груди, чтобы посмотреть мне в глаза. Его дыхание было учащённым, а в золотых глазах бушевала целая буря: обладание, преклонение, первобытная страсть

и та самая, безграничная любовь, ради которой он пошёл против всего своего мира.
 — Никогда не отпущу, — прошептал он, и это не было угрозой. Это было обещание. — Никогда.

И тогда он впервые вошёл в меня. Не как любовник, а как завоеватель. Но в этой силе, в этой абсолютной власти, не было боли. Было только совершенное, оглушительное чувство принадлежности. Мы были двумя частями одного целого, соединёнными не только клятвой, но и самой плотью. Его ритм был яростным, неистовым, как шторм, но каждый толчок, каждый его стон, каждое прикосновение его рук на моей коже говорили о любви такой интенсивной, что от неё захватывало дух.

Я цеплялась за его плечи, за спину, впиваясь ногтями, отвечая ему движением на движение, поцелуем на стон. В этом не было ангельской чистоты, которую он упомянул. Это было земное, грешное, животное соединение двух существ из противоположных полюсов мироздания. И в нём было больше святости, чем в любом молитве. Когда волна накатила, она накрыла нас одновременно. Не с криком, а с глухим, сдавленным стоном, вырвавшимся из его груди, и с моим тихим, прерывистым вздохом. Мир сузился до точки соприкосновения наших тел, до его веса на мне, до запаха его кожи и моих волос.

Он рухнул рядом, не отпуская, прижимая к себе так крепко, словно боялся, что я испарюсь. Мы лежали, слушая, как

наши сердца выстукивают безумный, общий ритм.

Всё было тихо. Где-то за стенами дремал враждебный нам Ад. Где-то Волот, наверное, курил у входа в капеллу, прикрывая наш побег. А здесь, в этой комнате, в плетении наших тел и душ, существовала только одна истина: мы принадлежали друг другу. Навеки.

Даже если «навек», как я узнаю позже, окажется таким ужасающе коротким.

Тишина в покоях была тёплой, живой, наполненной лишь звуком нашего синхронизировавшегося дыхания. Его рука лежала на моей талии, пальцы слегка вдавливались в кожу, как будто проверяя реальность.

— Маш... — прошептал он, и это сокращение, это человеческое, домашнее имя, звучало в его устах, веками производивших лишь титулы и приказы, как самая сладкая молитва. — Я люблю тебя.

Я повернула голову, чтобы видеть его лицо. Золотые глаза были прикрыты, длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на щёки. Он выглядел... умиротворённым. Таким, каким я видела его лишь в самые редкие, украденные моменты.
— И я тебя люблю, Белет, — ответила я, и имя это, полное, звучное, было теперь и моим владением.

Его губы, слегка припухшие от поцелуев, приподнялись в уголках. Он открыл глаза, и в них плескалась не просто страсть, а какое-то безудержное, мальчишеское восхищение.
— Ты великолепна, — сказал он, и его голос снова

приобрёл ту бархатную, низкую ноту, которая заставляла меня трепетать. — Ты как... открытие новой вселенной. Каждый раз.

Я захихикала, не в силах сдержать смущённый, счастливый смех. Князь Преисподней, существо невероятной силы и древности, говорил мне такие вещи, от которых щёки горели.
— Перестань, — пробормотала я, пряча лицо у него на плече.
— Ни за что, — он не позволил мне спрятаться, мягко, но настойчиво высвободив мою руку из-под одеял.

Он взял мою ладонь и поднёс к своим губам. Его взгляд упал на палец, где теперь вместо ничего было простое, но изысканное кольцо из тёмного металла с вставкой из светящегося камня — символа его Дома. Он поцеловал его. Сначала просто касанием, а потом — дольше, с закрытыми глазами, как будто прикладываясь к святыне.

Потом он поднял на меня взгляд, и в его глазах была вся серьёзность, на какую он только был способен.
— Моя госпожа, — начал он, и каждое слово было взвешено, как клятва. — Моя леди. Моя жена. Моя любовь. Ты теперь всё это. И я... твой слуга, твой защитник, твой демон до конца наших дней, которые я сделаю вечными.

Он сказал это без пафоса. Как констатацию факта. Самого важного факта во всех мирах.

Слёзы навернулись мне на глаза, но это были слёзы чистой, безоговорочной радости. Я обвила его шею руками и притянула к себе, целуя его в ответ — в губы, в щёки, в ве-

ки.
 — А ты мой, — прошептала я между поцелуями. — Мой хранитель. Мой муж. Мой демон. И я никому тебя не отдам. Ни отцу, ни целым легионам, ни самой вечности.

Он рассмеялся — тихим, счастливым смехом, который я слышала лишь несколько раз за всё наше знакомство. И в этом смехе, в этом переплетении наших тел под тёмным шёлком, в кольце на моём пальце, мы построили нашу крепость. Наш маленький, непобедимый мир внутри враждебной вселенной.

Мы ещё не знали, как скоро этой крепости придётся выдержать осаду. Как скоро клятвы будут испытаны огнём и потерей. Но в тот момент, в наших покоях, под его взглядом, полным обожания, я верила, что мы сильнее всего. Мы — целая вселенная для двоих.

И это чувство, это воспоминание о его губах на моём кольце, о его словах «каждый раз как впервые», станет тем самым якорем, за который я буду цепляться долгими, тёмными годами после его гибели. И тем, что сделает каждый последующий поцелуй с кем бы то ни было — всего лишь бледным эхом отзвучавшей вечности.

Глава 9. Современный мир

Тишина в квартире была густой, нарушаемой лишь размеренным, тяжёлым дыханием Димы из спальни. Он уснул почти сразу, убаюканный вином, ужином и сладкой усталостью от собственного успеха. Его счастье было таким простым, таким осязаемым. И таким чужим.

Я лежала рядом, глядя в потолок, и чувствовала, как под рёбрами, там, где должно биться сердце, ледяной осколок прошлого пульсирует тупой, ноющей болью. Праздник закончился. Осталась только тишина и память, которая сегодня, после того голоса в портале, проснулась с яростью спящего вулкана.

Я осторожно, стараясь не шелохнуться, выбралась из-под одеяла. Пол был холодным под босыми ногами. Я прошла в гостиную, где городской свет, пробиваясь сквозь жалюзи, рисовал на полу полосатые тени. Здесь пахло едой, вином, благополучием. И казалось, я задыхаюсь.

Я присела на корточки перед шкафом, где в самом дальнем углу лежал пыльный рюкзак. Руки слегка дрожали, когда я расстегнула молнию. Внутри, среди холодных кристаллов и перчаток, лежал маленький бархатный мешочек. Я вытащила его. Он был легким и невероятно тяжелым одновременно.

Я развязала шнурок и вытряхнула содержимое на ладонь. Оно упало беззвучно, холодное и твёрдое. Кольцо.

Не то, простое и тёмное, что было на мне в день свадьбы. Это было парадное. Кольцо Князя. Массивное, но изящное, из чёрного адамантума, инкрустированное бриллиантами, обрамляющими центральный камень — не бриллиант, а сгусток застывшего, тёмного пламени, которое даже сейчас, в мире без магии, слабо мерцало изнутри, будто тлеющий уголь. Оно было мужским. Белет никогда не носил его при мне — только на официальных приёмах у отца. Но в ту ночь... в ту последнюю ночь перед той злополучной миссией, он снял его с пальца и вложил мне в ладонь.

«На память, лучик. Чтобы не забывала, чья ты».

Я не хотела брать. Что-то сжалось внутри от дурного предчувствия. Но он настоял. А наутро его уже не было.

Я сглотнула ком, вставший в горле таким огромным и колючим, что, казалось, порвёт пищевод. Сжала кольцо в кулаке так сильно, что холодный металл впился в кожу. Закрыла глаза.

«Мой Белет...»

Мысль прозвучала не словами, а волной такой острой, физической тоски, что я согнулась пополам, прижав кулак с кольцом ко лбу. Перед глазами поплыли образы. Не парадные, не из страстных ночей. А простые. Как он учил меня читать адские руны, сидя у камина в наших покоях, его терпеливые пальцы водят мои по пергаменту. Как он смеялся, когда я впервые попробовала адское вино и скривилась. Как он просто смотрел на меня, когда думал, что я не вижу, и в

его взгляде была вся вселенная нежности.

«Каждый раз как впервые».

А сейчас... сейчас я сидела на полу в чужой квартире, в мире, который он никогда не видел, с выкрашенными тёмными волосами, сжимая в руке реликвию его бывшего могущества. И единственное, что у меня осталось от «каждого раза» — это холод металла и нестерпимая, вечная пустота.

Из спальни донёсся сонный вздох Димы. Звук вернул меня в реальность. Я быстро, почти с паникой, сунула кольцо обратно в мешочек, мешочек — в рюкзак, рюкзак — в глубину шкафа. Сотрясла головой, будто пытаюсь стряхнуть с себя призраков.

Я подошла к окну, раздвинула жалюзи. Город спал. Где-то там, в бизнес-центре «Взгляд Извне», был портал. А за ним — мир, где меня когда-то называли «госпожой» и «любовью». Мир, где лежало его тело. Мир, где, возможно, сейчас брат его ищет способ связаться с «лучиком».

Я потрогала свои прямые, тёмные волосы. Ничего общего с золотым лучом.

«Мой Белет... — подумала я снова, уже беззвучно, глядя на своё отражение в тёмном стекле. — Прости. Я не смогла остаться твоей. Я выжила. Но это... это не жизнь. Это просто ожидание, когда боль когда-нибудь станет тише».

Первые дни, недели, месяцы после того, как мне показали его холодное, пустое тело, я не верила. Отказалась верить. Это была ложь Артамаэля, очередная изощрённая пытка, по-

пытка сломить меня, разорвать то, что он не мог контролировать. Белет был слишком силён. Он был князем, наследником, *моим* демоном. Он не мог просто... перестать быть.

Я закрывалась в наших покоях, которые вдруг стали огромными и ледяными, и вслушивалась. Всеми фибрами души, всей силой Ходячей, которая когда-то ощущала границы миров, я пыталась нащупать *его*. Тот самый канал, связь истинной пары, что была скреплена не просто клятвами, а смешением наших сущностей у алтаря в заброшенной капелле.

Раньше это было похоже на тихое, тёплое эхо в груди. Когда он был далеко, но жив, я чувствовала отголоски его настроения — всплеск ярости, волну усталости, тихую струйку нежности, направленную ко мне. Это был наш собственный, личный портал, невидимый и нерушимый.

А после *того дня*...

Я сидела на полу, обхватив колени, и впивалась сознанием в ту точку внутри, где всегда горел его маяк. И там была **пустота**. Не тишина. Не помехи. А именно пустота. Абсолютная, всепоглощающая. Как если бы отрезали целое чувство, оставив только онемевшую, кровоточащую культю души.

Связь была **обрублена**. Не разорвана в борьбе, не истончилась от расстояния. Её будто аккуратно, хирургически отсекли острым лезвием небытия. От неё не шли больше никакие сигналы. Ни боли, ни тоски, ни даже гнева. Ничего.

Именно это, в конечном счёте, заставило меня сдаться. Не

тело. Не слова его отца. А эта оглушительная, предательская тишина *внутри меня самой*. Орган, которым я чувствовала его, атрофировался и умер. Онемел.

И тогда началось бегство. Я бежала не только от дворцов Ада и насмешливых взглядов слуг Артамаэля. Я бежала от этой внутренней пустоты. От себя, которая теперь была наполовину пустой, ущербной. Каждый вздох, каждый шаг напоминал о том, что часть моей собственной вселенной исчезла, оставив после себя чёрную дыру, засасывающую свет и смысл.

Я провела рукой по груди, там, где когда-то жило то эхо. Теперь там был просто холодный осколок памяти, искусственный и мёртвый. Связь не восстановилась. Не зашипела внезапно сегодня, когда голос Волота коснулся моего сознания. Она так и осталась молчаливой, мёртвой линией, уходящей в никуда.

Я отшатнулась от окна. Мне вдруг стало физически плохо от этого воспоминания. От осознания, что даже моё собственное тело, моя душа, стали могилой для того, что было самым живым во мне.

Я побрела обратно в спальню, к звуку ровного дыхания Димы. Я легла рядом, осторожно, чтобы не разбудить. Он повернулся во сне и обнял меня, прижав к своему тёплому, живому телу. В его объятиях не было пустоты. В них был покой. Забытьё.

Я закрыла глаза, притворяясь, что засыпаю. Но внутри всё

кричало одним и тем же, выученным наизусть за 180 лет отчаяния фактом: он мёртв. Не просто «умер». А *стерт* из самой ткани реальности, которую мы делили. И никакие порталы, никакие голоса братьев и никакие кольца в бархатном мешочке этого не изменят.

Связь обрублена. На том конце — вечная тишина. А на этом — я, призрак с тёмными волосами, пытающийся убедить себя, что можно жить, когда половина твоей души навсегда замолчала.

Следующее утро ворвалось в комнату не светом, а тупой, раскалённой болью, ввинчивающейся в виски. Я открыла глаза, и даже тусклый зимний свет из-за жалюзи показался пыткой. Не просто головная боль. Это был «откат» — знакомая, но забытая за годы спячки расплата за резкое использование сил. Вчера я не просто «посмотрела» на портал. Я погрузила в него своё сознание, плела нити, стабилизировала, а потом рванула прочь, как ошпаренная, оборвав все контакты. Это всё равно что резко выдернуть штепсель из розетки под максимальной нагрузкой. Искрит. Ломается. Болит.

Каждый нерв, каждая магическая «мышца», атрофированная за десятилетия, горела огнём и онемением одновременно. Голова была чугунной болванкой, по которой били молотом. Тошнило. Я лежала, уставившись в потолок, и тихо стонала, чувствуя, как мир качается в такт пульсации в висках. Похмелье от вина было бы благословенным детским лепетом по сравнению с этим.

Дверь в спальню скрипнула. Дима, уже бодрый, выбритый и пахнущий свежим кофе, заглянул внутрь. Его сияющее от вчерашнего успеха лицо тут же сморщилось в гримасу жалости и лёгкого укора.

— Ой-ой-ой, — протянул он, подходя к кровати. — Маш, это тебя так с вина что ли вчерашнего? Я же говорил, не мешай белое с красным. Или тебя один бокал так добил? Хрупкая стала.

Он сел на край кровати и положил прохладную ладонь мне на лоб.
— Не горячая вроде... Но видок, конечно, у тебя, будто по тебе танк проехался.

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь хриплый стон. Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от его голоса, от запаха кофе, от всего этого нормального, человеческого утра, которое моё тело воспринимало как атаку.

— Наверное, — прошептала я, едва шевеля губами. — Голова... гудит. Умираю...

Он рассмеялся — добродушно, не понимая масштабов катастрофы.
— Не умрёшь. Я тебе таблетку от головы принесу, и крепкого чаю. И тишины. — Он наклонился, поцеловал меня в горячий лоб. — Отсыпайся, героиня труда. Дизайнерские подвиги, я смотрю, не проходят даром.

Он ушёл, оставив меня в кромешной агонии. Я слышала, как он на кухне гремит чашками, насвистывает. Он был счастлив. Его мир работал как часы: вчера — повышение, сегодня — забота о похмельной девушке. Просто. Логично.

А мой мир трещал по швам. «Откат» был не просто физическим состоянием. Он смывал последние остатки контроля. За болью, за тошнотой полезли воспоминания, которые я так тщательно хоронила. Не приятные. А те, что шли *после* обрыва связи. Первые дни в пустых покоях. Безмолвные крики в ту самую пустоту внутри. И запах... запах холодного камня и чуждой магии от его парадного кольца, которое я сжимала в кулаке, не в силах поверить.

Слёзы, горячие и солёные, покатались из уголков глаз и впитались в подушку. От боли, от беспомощности, от этого чудовищного контраста между его утренней бодростью и моим личным, маленьким адом, который я сама себе устроила, сунувшись туда, куда не следовало.

Он вернулся с таблеткой и стаканом воды. — На, выпей. И спи. Я на работу. Вечером, если оживеешь, можем кино посмотреть.

Я кивнула, не открывая глаз, и сделала глоток, с трудом проглотив таблетку. Она была бесполезна. Помочь могло только время и полный покой. Или новая доза магии, чтобы сгладить последствия старой. Но её у меня не было.

Дверь закрылась. В квартире воцарилась тишина. Я лежала и ждала, когда боль утихнет. Но внутри я знала: сегодняшняя физическая боль — лишь эхо. Настоящая боль, та, что от обрубленной связи и вечной пустоты, никуда не денется. Она просто снова ляжет на дно, как тварь, до следующего раза. До следующего «стука в дверь» из прошлого.

Телефон лежал рядом на тумбочке, тускло светясь сквозь пелену боли. Я с трудом протянула руку, ощущая, как каждый мускул ноет. Экран ослепил, заставив зажмуриться, но я уже видела уведомление.

Оператор: Ваш номер успешно изменён. Новый номер: +7...

Вот и всё. Несколько цифр, стёртых и заменённых другими. Тихий, цифровой аналог смерти и перерождения. Старая Мария, которая могла получить звонок от Милы, а через неё — отголосок прошлого, официально прекратила существование.

«Ну всё. Новая жизнь. Без Милы. На полгода.»

Мысль повисла в воспалённом сознании, холодная и тяжёлая. Мила. Не просто напарница по рискованным заказам. Фактически сестра. Две Ходячие, застрявшие в человеческом мире, нашедшие друг в друге опору в этом море непонимания. Она была единственной, кто знал *всё*. Про Белета. Про потерю. Про боль, которая не утихает. С ней можно было молчать, и это молчание было понятным. С ней можно было говорить на языке намёков о порталах и аурах, и не видеть в ответ пустого, растерянного взгляда.

И я эту нить оборвала. Добровольно. Жестоко.

«Но так было нужно.»

Это не было оправданием. Это был диагноз. Приговор самой себе. Чтобы выжить, мне нужно было создать карантин. Отрезать все пути, по которым яд воспоминаний мог просо-

читься в хрупкую экосистему моей нынешней жизни. Волот нашёл бы Милу. Рано или поздно. И она... она сильная, но не каменная. У неё свои слабости, свои страхи. И перед лицом князя Ада, даже отступника, она могла бы не устоять. А я... я не могла рискнуть. Не могла позволить, чтобы тот голос прозвучал не в энергетическом вихре, а в телефонной трубке, пока я варю кофе или смотрю с Димой сериал.

«И я знаю, она не потревожит.»

В этом была самая горькая часть. Я знала Милу. Она поняла моё «хорошо» вчера. Поняла всё, что стояло за этим. Она будет злиться, будет переживать, но даст мне эти полгода. Не потому что боится, а потому что уважает мою боль.

Я положила телефон обратно и накрыла глаза предплечьем. Головная боль медленно отступала, уступая место другой — тоскливой, ноющей пустоте в груди. Я не только отрезала прошлое. Я отрезала кусок своего настоящего. Самый живой, самый понимающий.

В тишине квартиры, под мерный гул холодильника, я осталась одна. По-настоящему одна. С Димой, который любит меня, но не знает меня. С работой, которая лишь фон. С тёмными волосами, которые скрывают меня даже от самой себя.

Новая жизнь. На шесть месяцев. Шесть месяцев без голоса Милы, без шанса на опасный заказ, который мог бы напомнить, кто я на самом деле. Шесть месяцев играть в человека, который просто страдает от похмелья, а не от разрыва

реальности внутри собственной души.

Я глубоко вздохнула, стараясь дышать ровно. Нужно было вставать. Принимать душ. Делать вид, что жизнь продолжается. Я побрела на кухню, по пути опираясь о стену. Мир всё ещё слегка плыл, но острая боль сменилась тяжёлой, свинцовой усталостью. Автоматическими движениями я насыпала молотый кофе в турку, налила воды, поставила на огонь. Рутинные действия, за которые можно было зацепиться, чтобы не думать.

Но взгляд сам собой, предательски, потянулся к тому самому шкафу. К неприметной дверце внизу, за которой в темноте лежал пыльный рюкзак. А в нём, в бархатном мешочке...

Кольцо Белета.

Сегодня оно словно излучало холод сквозь дерево и ткань. Магнитило. Призывало. Тоска, обычно глухая и привычная, сегодня клокотала в груди с новой силой. После вчерашнего контакта с порталом, после голоса Волота, после этой изнурительной боли «отката» — все шлюзы внутри оказались сорваны. Сдерживать стало невыносимо тяжело. Хотелось залезть в тот шкаф, достать этот кусок холодного металла, сжать его в ладони до боли и просто... закричать. Или расплакаться. Или и то, и другое.

«Так что-то в этот раз кроет сильнее...» — констатировал внутренний голос, спокойно и безнадёжно.

Запахло горелым. Я вздрогнула и выключила плиту — ко-

фе убежал. Проклиная себя, я вылила чёрную жижу в раковину и начала заново. Руки дрожали.

«Надо. Надо как-то переключиться.»

Но на что? На мысли о повышении Димы? На планирование той самой трешки в ипотеку? Это было как пытаться тушить лесной пожар стаканом воды.

Готовый кофе я налила в большую кружку и, обхватив её ладонями, чтобы согреть озябшие пальцы, побрела к окну. На улице шёл мелкий, противный дождь. Люди спешили по своим делам под разноцветными зонтами. Кто-то смеялся, споря с кем-то по телефону. Мир жил. Простой, понятной, человеческой жизнью, а я стояла здесь, за стеклом, с мёртвым телефоном в кармане и мёртвым кольцом в шкафу, пытаясь убедить себя, что кофе и вид на мокрый асфальт — это достаточный повод, чтобы не сойти с ума.

«Переключиться...» — повторила я про себя, без веры.

Может, стоит убрать рюкзак? Отнести его на хранение Миле? Нет, это означало бы контакт. Сжечь кольцо? Оно не сгорит. Выбросить? Рука не поднимется. Это последний, самый осязаемый кусочек его. Последняя материальная связь. Я сделала глоток горького кофе. Он обжёг язык, и эта простая, бытовая боль на секунду перекрыла другую. Вот оно — переключение. Глупое, примитивное, но работающее.

«Ладно, — подумала я, глядя на свой бледный, уставший силуэт в отражении окна. — Сегодняшний план: выжить. Выпить этот кофе. Принять душ. Сходить в магазин. Сва-

ритель ужин. Не смотреть на шкаф. Не думать о голосе в портале. Не вспоминать, как пахло в той капелле. Просто... делать следующее дело.»

Это была не жизнь. Это была симуляция. Но сегодня, сейчас, другой у меня не было. Я сделала ещё один глоток и отвернулась от окна, от шкафа, от своего отражения. Шаг за шагом. Минута за минутой. Так я и прожила последние 180 лет. Проживу и сегодня.

Боль, наконец, отступила, оставив после себя лишь тягучую, знакомую пустоту и лёгкое головокружение, как после долгой болезни. Тело требовало движения, чтобы выгнать остатки яда «отката», а главное — чтобы загнать куда подальше назойливые мысли. Бег. Он всегда был моим спасением. Монотонный ритм, стук сердца в ушах, жжение в лёгких — всё это вытесняло всё остальное, превращая сознание в чистый, безмысленный двигатель. Я натянула спортивные легинсы, кроссовки, взяла наушники. Включила первый попавшийся плейлист — что-то ритмичное, попсовое, с жёсткими битами. Идеально для бега. Музыка заполнила уши, отгородив от шума города, от собственного тяжёлого дыхания, от всего.

Я выбежала на набережную. Холодный, влажный воздух ударил в лицо, но это было приятно. Я ускорила, вживаясь в ритм трека, заставляя ноги отталкиваться от асфальта всё резче, всё быстрее. Мир сузился до полосы пути передо мной, до музыки в ушах, до счета шагов. Мыслей не было.

Было только движение. Бегство. В самом буквальном смысле.

Я пробежала уже пару километров, тело разогрелось, дыхание стало ровным и глубоким. И в этот момент, подняв взгляд от тротуара на горизонт, я увидела.

Не вблизи. Не на скамейке. Вдалеке, на другом конце пешеходного мостика, стояла высокая, массивная фигура. Он был в простой, тёмной куртке и джинсах, но осанка, широта плеч выдавали его с потрохами. Он не двигался, просто стоял, прислонившись к перилам, и смотрел в мою сторону. И даже на таком расстоянии, сквозь утреннюю дымку и толпу, я *увидела* их. Два прищуренных, золотых огонька. Как тлеющие угли в пепле. Волот.

Всё внутри оборвалось. Музыка в наушниках превратилась в бессмысленный гул. Сердце не заколотилось — оно просто упало куда-то в бездну, оставив в груди ледяную пустоту. Не было ни страха, ни паники. Только животный, первобытный инстинкт: *БЕГИ*.

Я резко, почти споткнувшись, развернулась на 180 градусов. Не думая, не оглядываясь. Сорвала с ушей наушники, и мир навалился на меня всеми своими звуками — гул машин, крики чаек, чьи-то голоса. Я помчалась не по дорожке, а напрямик через газон, сбиваясь с ритма, задыхаясь уже не от нагрузки, а от чистого ужаса.

На дороге, к счастью, сразу же оказалось такси, высаживавшее пассажира. Я рванула к нему, дёрнула за ручку ещё

закрытой двери.
 — Открывайте! — мой голос сорвался на хрип.

Водитель, испуганный моим видом, нажал кнопку. Я ввалилась на заднее сиденье, захлопнула дверь.
 — Поехали! Быстро! Куда угодно! Просто прямо! — выдохнула я, наклонившись, чтобы меня не было видно в окно.

Машина рванула с места. Я рискнула выглянуть в заднее стекло. Мостик уже скрылся из виду. Никто не бежал за нами. Никакой массивной фигуры не было видно.

Я откинулась на сиденье, закрыла лицо ладонями. Дрожь охватила всё тело, мелкая, неконтролируемая. Таксист что-то спросил, но я не слышала. В ушах звенело.

Он нашёл меня. Не через телефон. Не через портал. Он вышел в мой мир. И просто... ждал.

Всё, чего я боялась, всё, от чего бежала, всё, ради чего меняла номера и рвала связи — уже здесь. В трёх километрах от моего дома, в простых джинсах, смотрело на меня золотыми глазами, полными немого вопроса, который я боялась услышать.

«Просто прямо», — сказала я водителю. Но куда можно было уехать, когда прошлое уже не где-то там, за порогом, а здесь, на набережной, дыша одним с тобой воздухом?

Глава 10. В Аду

В голове гудело. Не от выпивки – от ярости и полной, абсолютной ебаной нестыковки. Я стоял посреди своей пещеры, уставившись в стену, но видел не базальт. Я видел *то*.

Труп. Женский. Обезображенный магическим огнём до неузнаваемости, но в тех же лохмотьях серебристой ткани, что были на ней в день... в день, когда всё началось. Я стоял рядом с Белетом, который был белее мрамора, и чувствовал, как от него исходит не горе, а леденящая пустота. Потом он сказал, еле шевеля губами: «Связь... оборвана. Её нет». И я поверил. Потому что видел тело. Потому что видел его реакцию. Потому что отец, Артамаэль, стоял с каменным лицом и говорил о «трагической случайности на границе», о «двойной потере».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.